

Светлана Тулина
Максим Тихомиров
ЭРА МОРИАРТИ

Северо-Запад

Максим Тихомиров

Эра Мориарти

«Издательские решения»

Тихомиров М. М.

Эра Мориарти / М. М. Тихомиров — «Издательские решения»,

Вторжением с Марса и Великой Мировой войной закончилась викторианская эпоха. Лондон оправляется от последствий атомных бомбардировок, наука сделала гигантский скачок, и уже никого не удивляют паромобили на улицах и аэробусы на атомном ходу в небе над лондонской Кровлей. Не удивляет и падение ценности человеческой жизни. Таков новый мир, в котором приходится жить двум джентльменам ушедшей эпохи — Шерлоку Холмсу и доктору Ватсону. Наступает новая эра — эра Мориарти.

Содержание

Цыганское проклятье	7
Дело с марсианскими треножниками	26
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Эра Мориарти
Светлана Альбертовна Тулина
Максим Михайлович Тихомиров

© Светлана Альбертовна Тулина, 2015

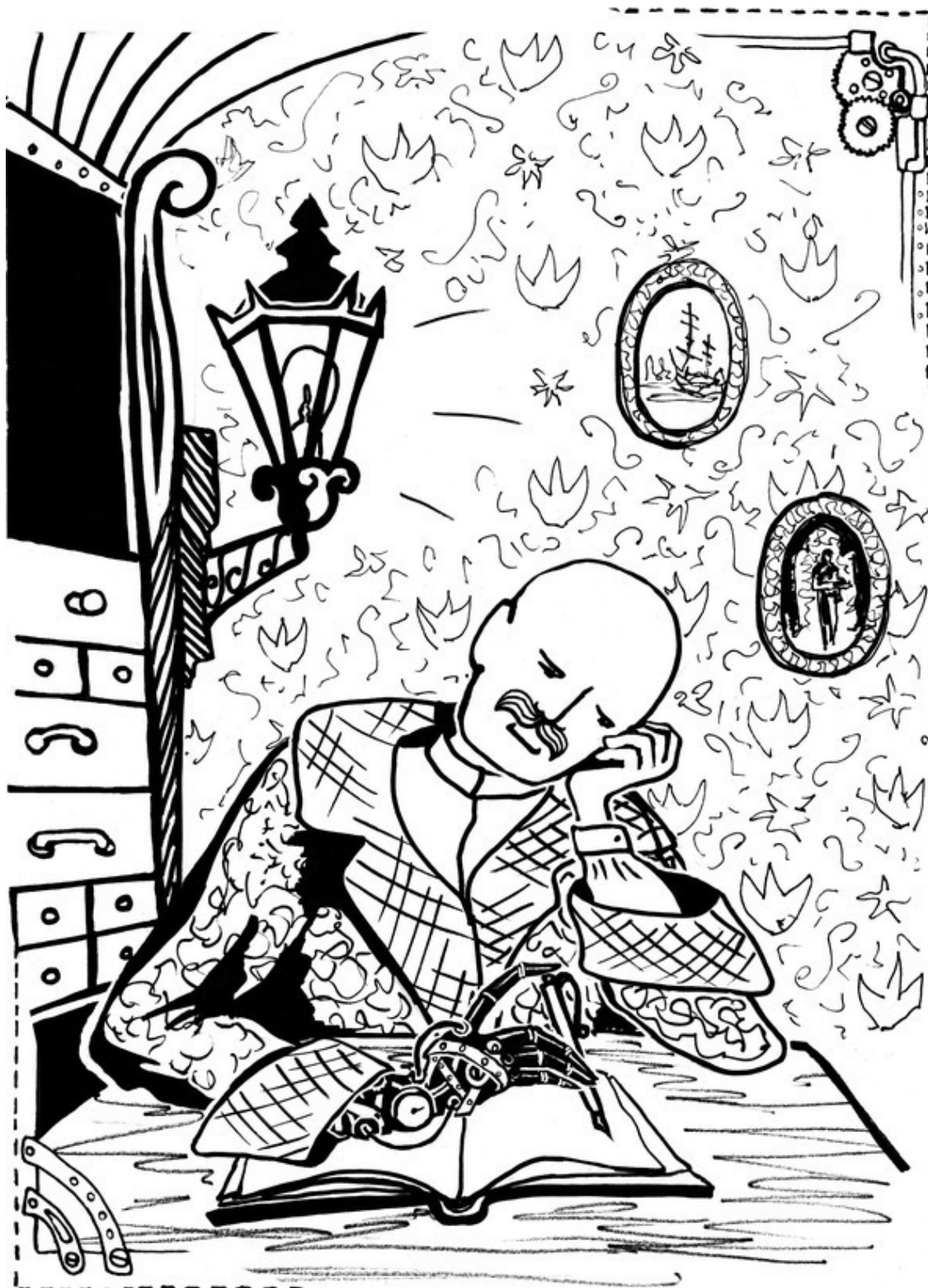
© Максим Михайлович Тихомиров, 2015

© Ольга Денисова, дизайн обложки, 2015

© Светлана Тулина, иллюстрации, 2015

Под общей редакцией Светлана Альбертовна Тулина

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Цыганское проклятье рассказ Светланы Тулиной

«Меня зовут Ватсон. Джон Ватсон, секретный агент на службе Её Величества...»

Я вернулся взглядом к первому предложению и задумался. Может быть, всё-таки лучше назвать главного героя Джеймсом, заранее отметая у будущих читателей всяческие подозрения, что он и автор записок – одно и то же лицо? В конце концов, я ведь не собираюсь писать

автобиографическую повесть, изложить реальные события в их первозданном виде не позволяет данное мною слово джентльмена, так почему бы и не дать волю фантазии? Джеймс – красивое имя, благородное, не то что простоватое «Джон»...

Я повертел в металлических пальцах искусственной правой руки новомодную самопишущую ручку – осторожно, чтобы не пролить чернила, заполнявшие стерженёк на две трети, – и усмехнулся. Похоже, я заразился от нашей юной и взбалмошной мисс Хадсон страстью к перемене имён – примеряю на себя имя персонажа ещё ненаписанной мною же истории. Вот уж действительно, старость не спасает от глупости, даже немцам иногда удаётся рассуждать на удивление здраво.

Надобно вам сказать, что ваш покорный слуга вовсе не собирался писать биографические очерки о собственной персоне, находя персону сию достаточно скромной и малоинтересной для предоставления её жизнеописания вниманию широкой общественности, и вполне удовлетворяясь ролью верного Босуэлла при удивительнейшем человеке нашего времени, мистере Шерлоке Холмсе – а с недавнего времени ещё и сэре Шерлоке. Титул был пожалован моему великому другу почти одновременно с последним достижением инженерной мысли, летательной яхтой, в уютной гостевой каюте которой ваш покорный слуга и пишет эти строки на странице своего дневника – вместо того чтобы живописать приключения великолепного и неустрашимого Джеймса Ватсона, секретного агента на службе Её Величества.

Мой проницательный друг был абсолютно прав, высказывая предположение, что последняя война нанесла мне куда большую внутреннюю травму, чем я был готов признать – даже перед самим собой. Я запретил себе говорить и даже думать о тех жутких годах, похоронил на самом дне памяти – но тем самым лишь сохранил в себе ужасы, превращавшие ночные часы в непрекращающийся кошмар. Алкоголь и всё возрастающие дозы лауданума были мерой временной и ненадёжной – как врач, я не мог этого не понимать, но другой методы борьбы с внутренними демонами я тогда не знал и надеялся только, что демоны эти, терзая меня, причиняют окружающим не слишком много хлопот.

Но однажды – да будет благословенен тот день! – мне попала на глаза статья моего коллеги с каким-то совершенно непроизносимым то ли славянским, то ли немецким именем. В статье рассказывалось об успешном возвращении душевного спокойствия пациентам, которые страдали от невидимой глазу травмы и перенесённого ужаса – а таких страдальцев оказалось немало после Великого Нашествия и Смутных лет, вылившихся в пожар всеобщей войны. Первой войны на памяти человечества, поистине охватившей весь мир. Многие стали свидетелями гибели друзей и близких, потеряли здоровье не на поле битвы, а в мирных, казалось бы, городах. Мир сошёл с ума, в этом безумии люди теряли себя, и долгое время потом не могли исцелиться.

Мой европейский коллега применял довольно рискованный способ излечения – он заставлял несчастных снова и снова рассказывать о пережитом ими кошмаре, требуя вспоминать каждую подробность, каждую самую мелкую деталь перенесённого ужаса, и обязательно её проговаривать вслух. Эта, казалось бы, варварская и лишённая малейшего сострадания к несчастным метода дала удивительные результаты – все пациенты отмечали существенное улучшение, а некоторые сумели навсегда избавиться от мучивших их кошмаров!

Статья так потрясла меня, что я всю ночь не сомкнул глаз – и вовсе не из-за боязни возобновления кошмарных снов. Словно рука Провидения подкинула мне спасительную соломинку именно тогда, когда я уже почти сдался и готов был утонуть в море отчаянья. Впрочем... было бы не совсем искренним с моей стороны не уточнить, что я почти уверен, каково имя этого Провидения, оставляющего после себя запах крепкого табака. Полагаю, что и немецкий медицинский журнал вовсе не случайно оказался на моём столе в тот день – а ведь я из патристических соображений не выписываю немецких журналов, даже по медицине! И не случайно журнал этот был открыт именно на той поразившей меня странице...

Как бы там ни было, с моей стороны оказалось бы проявлением страшной неблагодарности не воспользоваться советом столь проницательного и благосклонно ко мне относящегося Провидения. Но, будучи по природе более склонен к жанру скорее эпистолярному, чем разговорному, ваш покорный слуга вознамерился усовершенствовать методу немецкого коллеги. Бессонные часы не были потрачены зря – мне удалось всё как следует обдумать и изобрести способ, посредством которого не только удалось бы избавиться от внутренних демонов, но при этом и не нарушить данное мною слово о неразглашении определённых подробностей военной карьеры.

Мною были приняты несколько важных решений по поводу будущей книги – во-первых, писать не от своего лица, используя псевдоним и описывая приключения некоего безымянного героя. Далее я собирался соблюдать честность и доскональность лишь в описании виденных и испытанных мною ужасов, все же остальные события и факты исказить и преувеличить настолько, чтобы у проницательного читателя не оставалось ни малейших сомнений – всё описанное есть не более чем фантазия автора.

Незадолго до рассвета поняв, что заснуть мне в эту ночь так и не удастся, я решил успокоить разгулявшиеся нервы при помощи трубочки хорошего табака. Конечно, куда привычнее было бы накапать в стакан с содовой некоторое количество не раз уже спасавшего меня лауданума, но в ту ночь я твёрдо решил начать новую жизнь, в которой подобным снадобьям более не будет места. Да и надо признаться, что после специальной алхимической подготовки, коей я был подвергнут в особых войсках Её Величества (и о подробностях коей я по понятным причинам умолчу), обычные медицинские препараты действовали на меня довольно слабо.

Пристроив на место снятый на ночь механистический протез и пощёлкав для пробы шарнирно-суставчатыми пальцами, я счёл его работу вполне удовлетворительной и, накинув халат, отправился в гостиную. Где обнаружил, что не одному мне не спится в эту ночь – Холмс скрючился в своём любимом кресле, подтянув худые колени к ястребиному носу и выставив перед собой чёрную глиняную трубку, похожую на клюв какой-то странной птицы. Трубка его не горела, глаза были закрыты, и я уже подумал было, что он спит, и собирался тихонько вернуться к себе, когда мой друг шевельнулся и спросил негромко:

– Ватсон, не дадите ли мне огоньку? Я задумался, а трубка погасла.

Уже не скрываясь, я подошёл к креслу, протянул искусственную чудо-руку, щёлкнул большим пальцем по кремниевой наладонной пластинке и зажёл миниатюрную газовую горелку на конце указательного. С неудовольствием подумал, что в ближайшее время надо бы навестить мастерскую Отто, что на углу Уинстоу и Аллеи Безвестных Героев. Он обещал, что зажигательная накладка из твёрдой стали прослужит не менее года, а между тем дистальная фаланга большого пальца стёрта чуть ли не на треть, хотя не прошло и четырёх месяцев. Я, конечно, после войны стал больше курить, но не настолько же!

Холмс тем временем затыкнулся и благодарно кивнул, выпустив клуб ароматного дыма. В его проницательных глазах на секунду отразились крохотные язычки пламени.

– Холмс, мне надоело удивляться, – сказал я, устраиваясь в кресле напротив и тоже закуривая. – Как вы догадались, что это именно я? И только не говорите мне, что опять из-за моего протеза и издаваемых им звуков – я сам его перебрал и отшлифовал все поршни, подогнал сцепление и как следует смазал. Смею вас уверить, он работает совершенно бесшумно.

– Элементарно, мой друг, – из глубины кресла раздался хрипловатый смешок. – Если вдруг соберётесь подкрасться ко мне незамеченным, вам следует предварительно перестать так усердно окуривать благовониями свою каюту.

Я немного смутился – мне казалось, что пристрастие к восточным ароматическим свечам и притираниям не настолько очевидно и раздражительно для окружающих.

– Раньше вы, кажется, не возражали...

– Полноте, Ватсон, я и сейчас вовсе не имею ничего против. Надо отдать вам должное, аромат весьма приятный и хорошо подобранный. Напоминает мне о тех волнующих месяцах, когда я прятался от профессора Мориарти в горах Китая. Но легко сообразить, что если Тибет далеко, а я всё-таки ощущаю знакомое амбре – значит, мой друг Ватсон где-то поблизости и может избавить меня от необходимости вставать за спичками.

Помимо воли я рассмеялся.

– Так вот оно что! Вы успокоили меня, Холмс. А то я уж было подумал, что ваши друзья из горного монастыря научили вас всяким мудрёным штукам вроде чтения мыслей. А всё оказалось так просто!

– Я давно уже полагаю, – с нарочитым раздражением ответил на это Холмс, – что совершаю большую ошибку, объясняя, каким образом прихожу к тем или иным выводам. Ещё древние латиняне говорили – «омне игнотум про магнифико», что вам, как медику, не составит труда перевести.

– Всё непонятное принимается за великое.

– Вот именно, Ватсон, вот именно... Не объясняйте ничего – и прослывёрёте великим чародеем, объясните – и любой болван воскликнет: «Оба-на! Да я тоже так могу!». Боюсь, если я и дальше буду всё объяснять, моей скромной славе грозит скорый крах.

Однако голос его при этом звучал отнюдь не расстроено, а скорее даже удовлетворённо, да и глаза блестели довольно весело. Странное оживление – ещё буквально вечером он был весь во власти хандры и скуки, жаловался на лондонскую погоду и вконец измельчавших преступников, не желающих давать своими примитивными правонарушениями пищи его изощрённому уму. Обругал мисс Хадсон за остывший кофе (что было правдой), а мальчишку – за скверно вычищенные туфли (что правдой не было), потом снова переключился на Лондон, его мерзкую погоду и не менее мерзких обитателей.

Поздняя осень – не самое лучшее время для столицы Британии, с этим я вынужден согласиться. Вечный грязноватый дождь, в котором сажи и копоты больше, чем воды, слякоть и промозглая сырость способны ввергнуть в чёрную меланхолию и самую жизнерадостную натуру. К тому же воздухоплавательные причалы, у одного из которых и был пришвартован наш «Бейкер-стрит», располагались на самой границе цивилизованной части города, и из огромных окон по левому борту в ясные дни открывался вид на ряды мрачных построек и чёрный частокोल дымящих труб, что тоже не способствовало подъёму настроения.

Но когда я предложил сняться с якоря и продолжить наше путешествие, Холмс не проявил ни малейшего энтузиазма, выразившись в том смысле, что нынешний мир везде одинаков, с изобретением телеграфа в нём не осталось настоящих тайн и загадок, а великие злодеи более неподсудны, поскольку сидят в правительствах и совершают жуткие преступления против закона и человечности одним нажатием клавиши. Прочие же преступники измельчали и способны разве что украсть конфету у слепого ребенка. Так какая, мол, разница, где именно умирать со скуки?

И вот, по прошествии всего лишь нескольких часов всё изменилось, хандры как не бывало, мой друг полон жизни, энергичен и весел, сидит в своём кресле, словно в засаде, посверкивает глазами и ждёт... внезапно я понял, что причина всему этому может быть лишь одна.

– У нас есть загадка, Ватсон! – подтвердил моё предположение Холмс. – А, может быть, есть и дело. – Элеонора сегодня ночью вернулась очень поздно. И, что куда интереснее – не одна!

И пояснил, видя моё вытянувшееся от недоумения лицо.

– Элеонора. Мисс Хадсон. И не надо строить такую чопорную мину, мой друг! Неужели вас это совсем не интригует?

– Холмс, я действительно полагаю, что это не наше с вами дело...

– И вам совершенно неинтересно, что именно за особу привела к нам на борт юная мисс? И с какой целью она это сделала?

– Холмс, – воскликнул я, шокированный. – Ваше любопытство переходит всякие границы приличия!

– Есть ещё одна пикантная подробность, – торопливо продолжил Холмс прежде, чем я успел заткнуть уши. – Эта особа – женского пола.

Теперь затыкать уши было бы глупо – главное я всё равно узнал. Как бы там ни было, а мисс Хадсон мне нравилась – милая девочка, рано оставшаяся без родителей, а потому несколько взбалмошная и экстравагантная. К тому же, как и многие в её годы, пытающаяся доказать всему миру, что она ужасно самостоятельная и вполне уже взрослая дама – а вовсе не милая девочка. Несмотря на все её возмутительные выходки и лозунги, затверженные на собраниях суфражисток, я был уверен, что всё это лишь внешняя шелуха, призванная шокировать чопорных лондонских старичков и не менее чопорных домохозяек. Я даже позволял себе внутренне подсмеиваться над пафосными декламациями нашей девочки, полагая, что знаю её лучше, и все её ужасающие слова так и останутся только словами, не воплотившись в реальные действия. Ну, во всяком случае, во что-либо более экстравагантное, чем ношение мужских костюмов и постоянные рассуждения о мужском шовинизме.

Было очень грустно ошибиться, и оставалось только надеяться, что на моём бесстрастном лице ничего не отразилось.

– Не переживайте так, Ватсон, – лишил меня последней иллюзии мой слишком проницательный друг. – Циничный опыт врача на этот раз, думаю, вас подводит, направляя к неверным выводам: страсть, которая привела таинственную юную особу на борт нашего дирижабля, подвластна скорее Афине, нежели Купидону. Иными словами, девушке нужна разгадка какой-то тайны – надеюсь, зловещей! – и только врождённая деликатность не позволила ей потревожить среди ночи покой столь пожилых джентльменов, каковыми мы с вами, Ватсон, без сомнения, кажемся этой юной особе. Дождёмся утра и всё узнаем! Но вы ведь не об этом хотели со мною поговорить, правда?

Я был рад перемене темы, поскольку слова Холмса меня вовсе не успокоили. Я помнил, как они ссорились вчера с Элеонорой (нет, тогда ещё Патрисией). Наши милая секретарша последнее время полагает постоянное имя ещё одним способом закрепощения женщины, и потому меняет своё собственное каждый день, а то и по несколько раз на дню. Но как бы она ни называла себя вчера вечером, с Холмсом она поссорилась всерьёз. И даже прокричала с надрывом и слезами в голосе, что по-настоящему понять женщину не способен ни один мужчина, и убежала, хлопнув дверью, а мой друг остался сидеть на диване, кутаясь в плед и бурча под нос какие-то только ему внятные едкие замечания и колкости. Элеонора (Патрисия) вчера была очень расстроена и обижена, а юные леди в таком состоянии способны на всякие глупости. Особенно юные леди, считающие себя уже вполне взрослыми дамами...

Стараясь отвлечься, я рассказал Холмсу о намерении вытащить наружу своего внутреннего демона, пришить его к бумаге и уничтожить, превратив в развлекательную историю для публики. Ради пущей забавы и интриги я собирался сделать своего героя безымянным, обозначенным лишь цифрами, и даже придумал ему трёхзначный номер, начинающийся с двух нулей и показавшийся мне не только красивым, но и полным глубинного смысла. Ноль и сам по себе достаточно привлекательный и глубокомысленный знак – отсутствие чего-либо, пустота, закрытая сама в себе. А уж удвоенный ноль, пустота, помноженная на пустоту, показалось великолепным решением, изящным и вполне достойным запечатления на бумаге.

Однако Холмс, хорошо разбирающийся в нумерологии, прояснил всю глубину моих заблуждений. Он согласился со мною в той части, что смех и праздный интерес случайной публики – самое действенное оружие против терзающих нас внутренних страхов, но при этом безжалостно высмеял столь понравившийся мне номер. Ноль – сильный знак, но два нуля,

поставленные рядом, способны вызвать только презрительное недоумение у любого мало-мальски знающего человека, поскольку взаимно уничтожают друг друга. Да и зрительный образ, – о котором я, к стыду своему, совсем не подумал, – получается не слишком приличный.

Тем временем уже почти рассвело, хотя солнца по-прежнему не было видно на мутно-сером небе – то ли из-за привычной для Лондона облачности, то ли из-за не менее привычного в последнее время смога. В гостиную забрёл сонный мальчишка в намерении, пока никто не видит, выпить стаканчик-другой содовой воды с сиропом, аппарат для газирования которой располагался в углу как раз за моим креслом. Мальчишка был сильно разочарован, обнаружив в комнате нас с Холмсом. Недолго думая, я огорчил его ещё больше, вручив шиллинг и отослав в ближайшую лавку за бумагой и писчими принадлежностями – так не терпелось мне приступить к самоисцелению ещё до завтрака. Мальчишка поплёлся к выходу, зевая и цепляясь ногой за ногу, но я слегка подстегнул его прыть, сообщив, что по возвращении он может выпить два стакана сладкой газировки в качестве награды. Мальчишка заметно повеселел и убежал довольно резво, уже не изображая умирающего. А я вернулся к себе в каюту переодеться, поскольку начинался новый день.

***

– Её зовут Джейн. Она моя подруга. И у неё проблемы.

Элеонора решительно выпятила маленький подбородок, скрестила руки на груди и посмотрела со значением – сначала на Холмса, потом на меня. В своей короткой, но решительной речи она чётко выделила тоном два слова – «подруга» и «проблемы» – так, чтобы ни у кого не осталось ни малейших сомнений в серьёзности и первого, и второго.

Похоже, мы с Холмсом оказались правы оба в своих надеждах и опасениях.

– Ватсон, – представился я, вставая и кланяясь. – *Джон* Ватсон.

При этом я неожиданно для самого себя имя почему-то выделил интонационно, словно оно имело особое значение. И чуть было не добавил – «секретный агент на службе Её Величества» – очевидно, сказалось утро, проведённое в муках творчества.

– Очень рада познакомиться, – Джейн, миловидная блондинка с тонкими чертами лица и огромными голубыми глазами, кивнула и очаровательно покраснела. Она выглядела настолько же ранимой и незащищённой, насколько Элеонора, с её рыжими кудряшками и вздёрнутым носиком, – решительной и боевой.

– Вздор! – прервала свою подругу Элеонора. – Оставь эти буржуазные любезности, у нас есть дела поважнее!

– Милые дамы, на борту «Бейкер-стрит» существует жёсткое правило – никаких важных дел до завтрака! – сказал Холмс, входя в гостиную, где я наслаждался обществом двух столь юных и очаровательных особ. Тон его был преувеличенно серьёзен, но глаза искрились весельем. – Кстати, а что у нас на завтрак?

– Омлет! И блинчики с джемом! – обрубил безжалостно мисс Хадсон.

Я содрогнулся.

Как однажды деликатно выразился мой проницательный друг, «наша юная мисс Хадсон, в отличие от своей достопочтенной бабушки, куда более приятна для глаза, чем её стряпня – для желудка». И если овсянку ей ещё удавалось иногда сварить вполне пристойную, то всё, что требовало чуть большего кулинарного мастерства, в том числе и взбивания или поджаривания, выходило совершенно несъедобным. Все наши с Холмсом робкие попытки нанять кухарку встречали со стороны юной суфражистки полный негодования отпор – кухонное рабство мисс Хадсон считала постыдным и совершенно неприемлемым для любой здравомыслящей женщины, и не собиралась принимать участие в порабощении ещё одной несчастной.

Иногда, сжалившись над нашими желудками (или же слишком увлечённая делами подруг по движению, что будет вернее), мисс Хадсон заказывала еду в ресторанчике на углу у причалов – там готовили весьма достойно, особенно столь ценимый Холмсом татарский бифштекс. Но сегодня, похоже, на такую удачу рассчитывать не приходилось – мисс Хадсон всё ещё дулась на моего друга.

В полном молчании мы прошли в столовую.

Усевшись на своё место, я с понятным трепетом заглянул в тарелку – и был приятно поражён, не обнаружив там ни торчавших из клейкой субстанции осколков скорлупы с прилипшими к ним перьями, ни спёкшейся до состояния угля пластинки бекона. Над тарелкой возвышалась аппетитно выглядывшая и пахшая не менее привлекательно пористая масса, более всего напоминающая великолепный омлет – как по цвету и запаху, так и по вкусу, в чём я не преминул немедленно убедиться. Блинчики тоже оказались выше всяческих похвал. Даже Холмс, вкусы которого последнее время носили несколько специфический характер, отдал им должное. Я уже собирался высказать своё восхищение столь разительным успехам Элеоноры в этой области, но меня опередил Холмс, в изысканных выражениях превознеся кулинарное искусство мисс Джейн.

Мисс Джейн снова мило покраснела и потупилась. Элеонора фыркнула и заявила, что убитое над плитой время Джейн могла бы потратить с куда большей пользой – как для себя, так и для общества.

Ну конечно же! Великолепным завтраком мы были обязаны именно ей, маленькой мисс Джейн!

Моё восхищение нашей юной посетительницей сделалось просто безграничным – особенно после того, как она тихонько возразила мисс Хадсон, что вовсе не считает обременительным приготовление завтрака для такой приятной компании. Глаз она при этом не поднимала и говорила негромко, но сразу становилось ясно, что эта хрупкая на вид девочка не так слаба и беззащитна, как могло бы показаться на первый взгляд. Может быть, виновата старческая сентиментальность или же эйфория, в которую я впал после вкусного завтрака, но на какой-то миг подруга нашей взбалмошной Элеоноры показалась мне живым воплощением Британии. Такая же скромно одетая и неприметная, хрупкая и беззащитная снаружи, но хранящую глубоко внутри негибаемый стержень.

К тому же она не стала охать и вскрикивать, когда во время завтрака заметила мою механическую руку – признаюсь, я специально несколько раз менял заключенные в ней приборы, чтобы немного поразвлечься. Но юная леди повела себя в высшей степени достойно – только слегка расширила глаза в самом начале, а потом не обращала на это ни малейшего внимания. И даже не вздрогнула, когда я, передавая солонку, нарочно коснулся её запястья отполированным медным суставом. Вот что значит настоящая англичанка! Даже наше безумное и безбожное время неспособно поколебать такую выдержку и заставить леди вести себя неблагопристойно.

После завтрака мы снова вернулись в гостиную. Холмс расположился в любимом кресле, я же пристроился на неудобном диванчике у окна, уступив своё прелестной юной гостье, куда та и поместилась не без изящества. Элеонора пристроилась рядом, с независимым видом присев на обтянутый кожей подлокотник.

– Верите ли вы в проклятия, мистер Холмс? – спросила мисс Джейн, когда все мы уютно устроились и приготовились слушать её историю.

Вопрос прозвучал настолько нелепо, что я с трудом удержался от смеха. Но для нашей гостьи ответ Холмса, похоже, был крайне важен – лицо её оставалось совершенно серьёзным и напряжённым. Она даже подалась вперёд всем телом, впившись в Холмса удивительными голубыми глазами. Боже, как она была хороша в эту минуту, у меня даже защемило в груди!

Я не мог понять, почему она напоминает мне мою покойную жену, да будет земля ей пухом, ведь внешнего сходства между ними не было. Но, услышав сдержанное напряжение в голосе и увидев эти удивительные глаза, сверкающие внутренним огнём, я понял – вот оно!

В Джейн горело то же самое неукротимое внутреннее пламя, что и в моей горячо любимой бедной маленькой Мэри. Редкое качество, которое только и может сделать женщину истинно прекрасной.

Поэтому я вовсе не удивился тому обстоятельству, что мой друг ответил юной особе со всей серьёзностью и честностью, на которую был способен:

– Нет, сударыня, я не верю в силу проклятий. Но я верю в зло, которые одни люди могут причинить другим, в том числе и при помощи слов.

Джейн вздохнула с видимым облегчением и немного расслабилась.

– Рада это слышать, сэр. Я тоже не верю. Во всяком случае – не верила до последнего времени. Но с недавних пор вокруг меня начали твориться странные вещи, и они не то чтобы поколебали моё неверие, но...

– Но заставили вас ранним утром бежать из уютного сельского дома, где вы пытались забыть печальные обстоятельства, при которых покинули Лондон около полугода назад, недочувшись. Полагаю, он был вашим женихом? Примите мои искренние соболезнования.

Голубые глаза Джейн стали ещё больше, рот округлился в удивлении, а потом девушка нервно рассмеялась.

– Пэт говорила мне, что вы просто волшебник! Но я даже подумать не могла...

– Не называй меня этим глупым именем! – оборвала подругу мисс Хадсон. – Оно мне разонравилось.

Но Джейн словно и не заметила грубой выходки нашей очаровательной секретарши, продолжая во все глаза глядеть на Холмса с восторженным удивлением. Слегка тронутая золотистым загаром кожа её порозовела, глаза блестели.

– А что вы ещё можете обо мне сказать?

– Не слишком много, – мой друг явно наслаждался произведённым эффектом. – Вы любите возиться в саду, и с некоторых пор избегаете шумных компаний. Вы долгое время жили в Лондоне, были студенткой, но защититься не успели. Хотя и сейчас не оставляете своих занятий, но вряд ли помышляете о возобновлении обучения. У ваших соседей много детей, которых вы балуете. А ещё у вас случилось что-то настолько серьёзное, что вы уехали в Лондон, бросив любимую кошку.

Мисс Хадсон фыркнула. Джейн же по-прежнему не отрывала от Холмса поражённого взгляда.

– Всё так и есть, – просто сказала она. – Но как вы догадались?

– Это не догадка, мисс, а следствие применённой дедукции. Ваше платье простое и удобное, а такой здоровый цвет лица можно приобрести только при ежедневной работе на свежем воздухе – в саду или огороде, но никак не в нашем городе, продымлённом и погружённом в туманы. Значит, сейчас вы живёте в деревне и подолгу работаете в саду. Однако выговор у вас чистый, речь правильная – значит, образование вами было получено. В прихожей я заметил вашу сумочку – она элегантная, хорошей кожи, но при этом слишком крупная для дамского ридикюля, в котором есть место лишь для веера и пудреницы. Ваша же сумка более вместительная, но при этом вовсе не напоминает те ужасные бесформенные мешки с ручками, в которых кухарки таскают продукты с рынка, а почтенные домохозяйки хранят многочисленный женский хлам. К тому же кожа на сумке в некоторых местах слегка растянута, словно в ней долгое время носили крупный прямоугольный предмет. Если у вас нет привычки таскать в сумочке булыжники из лондонской мостовой, то я осмелюсь предположить, что предметом этим могли быть книги из университетской библиотеки – по размеру философские трактаты

как раз подходят. Но девушка ваших лет вряд ли будет читать подобные произведения ради собственного удовольствия – значит, вы были студенткой.

– Поразительно! Как, оказывается, много может сказать обычная дамская сумочка!

– Ну, ваши перчатки не менее болтливы – они совершенно не подходят вашему платью, но зато великолепно гармонируют с сумочкой. Тот же тонкий стиль и высокое качество. Такие застёжки со стеклярусом были популярны около восьми месяцев назад, если я не ошибаюсь. Значит, в то время вы следили за модой и старались выглядеть как можно более привлекательно. Это указывает на романтическую историю. С несчастливым финалом – поскольку я не вижу на вашем пальце кольца, зато вижу следы от траурного крепа на шляпке. Вы его отпустили совсем недавно и не очень тщательно – местами остались следы от ниток. Полагаю, вы сделали это в поезде, перед самым приездом в город – вам просто не хотелось навязчивого сочувствия незнакомцев.

С кошкой и детьми всё ещё проще – волоски на вашем платье почти незаметны, но их слишком много для случайных игр со зверьком. Кошка явно проводит с вами большую часть времени – согласитесь, так не поступают с нелюбимым домашним питомцем. А из вашего левого кармана торчит уголок пакетика с конфетами – судя по трём видимым мною буквам и цвету, это лакричные леденцы, которые обожают дети и юные девушки. Значит, можно с уверенностью предположить, что или вы сама любите сладкое, или же у ваших друзей или соседей есть дети, которых вы балуете. Но для сладкоежки у вас слишком хорошие зубы, значит, остаются дети. Причём именно дети соседей – судя по вашему платью, вы не слишком общительны. Итак – что же заставило вас бросить любимую кошку и оставить детей без сладкого?

– Мисси умерла. А дети теперь меня боятся, – сказала Джейн грустно и быстро вздохнула. – Это из-за проклятья... Но давайте я расскажу вам всё по порядку.

Вы совершенно правы – год назад у меня был жених. Его звали Джон, Джон Мэверик, самый лучший мужчина, который только рождался под этим небом. Джон и Джейн... Он смеялся и повторял, что мы обязательно будем счастливы. Он был не такой, как большинство мужчин, и его вовсе не раздражало то, что я учусь. Он сам собирался поступать в Итон, искал репетитора, а мне нужна была подработка – так мы и встретились. У него был дом в Боскомской долине, собственный дом. Вернее, полдома, но в Лондоне я вынуждена была ютиться в дядиной квартире, где у меня не было даже собственной гардеробной – я делила её с тремя кухнями! Так что эти полдома казались мне настоящим дворцом или волшебным замком, мы собирались переехать туда на всё лето, сразу после венчания. Мы всё распланировали... И тут эти волнения в аalienской резервации... Казалось бы, какое они имеют отношение к нам, но надо было знать моего Джона... Набирали добровольцев, и он, конечно же, записался одним из первых. Он был храбрым, мой Джон...

Он не вернулся.

Я даже не знаю, как он погиб – пришло лишь коротенькое официальное письмо с уведомлением, и то не мне, на адрес его квартирной хозяйки. Добрая женщина не хотела мне ничего говорить, но я всё поняла по её лицу – я заходила к ней почти каждый день. И поверила сразу – к тому времени я уже чувствовала, что моего Джона больше нет, письмо оказалось лишь подтверждением.

Я больше не могла оставаться в Лондоне – этот город помнил нас двоих, Джона и Джейн, которые были счастливы. Я не могла посещать лекции, на которые он никогда не придёт, не могла читать книги, которые он никогда не откроет. Не знаю, куда бы я уехала – мне было всё равно, лишь бы убежать подальше! Но тут меня нашёл поверенный моего Джона, мистер Брэдли из адвокатской конторы «Брэдли и сын». И внезапно оказалось, что я вполне обеспеченная женщина, а, главное, мне есть куда бежать – Джон оставил мне небольшую ренту и ту самую половину дома, в которой мы собирались жить летом...

– Ха! – воскликнула мисс Хадсон и по-хозяйски положила изящную руку на плечико Джейн. – Мужчины! Они всегда стремятся закрепостить женщину, привязать её к дому и кухне! Даже после смерти. Мужчины – ужасные собственники!

Если Джейн и были неприятны слова подруги или её собственнические жесты, то она ничем этого не выдала и продолжала рассказ, уже не прерываясь:

– Понимаете, мистер Холмс, тот дом помнил Джона, но нас двоих он не помнил, и это был мой единственный шанс ещё немного побыть с моим любимым, я не могла отказаться! И в тот же вечер купила билет на поезд в Боскомскую долину. Вот так я и появилась в «Ивовой хижине», познакомилась с двоюродным братом моего Джона и его семьёй.

Дом оказался огромен – трёхэтажный особняк с флигелями и пристройками, окружённый заброшенным садом, с которым совершенно не справлялся пожилой садовник – вы правы, я полюбила возиться в саду, и много времени провела именно там. Как раз в саду я и встретила ту цыганку... Но не буду забегать вперёд, я ведь ещё не рассказала вам о брате моего Джона и его семье.

Они замечательные люди, Берт и его жена Алисия, у них четверо совершенно очаровательных детей. Ещё в доме живёт отец Берта, дядя моего Джона, Эшли, и пара каких-то старых тётушек, но с ними я почти не встречалась. Дом действительно разделён на две половины ещё во времена эксцентричного дедушки моего Джона, все проходы между восточным и западным крылом были заколочены или даже заложены кирпичной кладкой. Мы с Бертом сразу же пришли к согласию в том, что это не дело. Он понимал, как неуютно мне будет одной в огромном пустом пространстве, и был настолько любезен и предусмотрителен, что к моему приезду разобрал часть заложённых проходов, и из крыла в крыло теперь можно пройти не только через сад.

Они все оказались очень приятными людьми, и Берт с Алисией, и их отец, дядя моего Джона. Не без странностей, конечно, но у кого их нет? Они очень хорошо ко мне отнеслись, а я ведь была для них совершенно незнакомым человеком, мы обменялись разве что двумя или тремя телетайпограммами. Но они приняли во мне живое участие, сочувствовали, пытались развлечь. Расспрашивали о дальнейших планах, не собираюсь ли я продолжить учёбу и вернуться в Лондон, предлагали помощь и даже деньги. Но я тогда была совершенно разбита и не хотела ничего, только побыть одной, и они отнеслись с пониманием, оставив меня в покое.

Когда я с ними знакомилась, возникла неловкая ситуация: я приняла Берта за дядю Эшли и была просто поражена, осознав, что ошиблась – брат моего Джона действительно выглядит старше собственного отца! Но оказалось, что это последствия полученного им ранения – он потерял здоровье во время службы, надышавшись какой-то военной гадости. И теперь он совершенно лыс, сгорблен, и лицо его покрыто морщинами, как у дряхлого старца. К тому же ему постоянно приходится принимать укрепительные микстуры, ими пропахла вся восточная половина дома, и, к своему стыду, я не очень любила там бывать. А вот детям нравилось играть в моём крыле, и ещё там обитала Мисси. Очаровательнейшее существо! Поначалу она отнеслась настороженно к моему вторжению во владения, которые считала своими, но потом мы подружились и, действительно, много времени проводили вместе, тут вы тоже угадали, мистер Холмс. Если я работала в саду, Мисси располагалась рядом, греясь на солнышке, если же погода была дождливая, я читала у окна в гостиной, а Мисси пристраивалась у меня на коленях.

Она была со мной, когда мы встретили ту цыганку. Бедная Мисси...

Это случилось утром в начале июня, я срезала розы для букета с любимого куста у самой изгороди в дальнем конце сада, когда со стороны дороги меня окликнул женский голос. Живая изгородь в «Ивовой хижине» невысокая, по грудь, и, распрямившись, я сразу же увидела эту странную женщину.

Она стояла в каких-то пяти-шести шагах и пристально смотрела на меня поверх подстриженных кустов. Обычная цыганка, укутанная в несколько разноцветных платков, несмотря

на то, что день был довольно жаркий, позванивающая монистами и невероятно грязная, как и все они. Цыгане не были редкостью в тех краях, Алисия говорила, что рядом расположился табор, я часто видела их на дороге, бредущих то в одну, то в другую сторону, крикливых, как птицы, замотанных в яркие тряпки и обвешанных полуголыми ребятишками. Они часто просили у нас еды или мелких монет и предлагали погадать, но вели себя мирно, и я никогда не испытывала перед ними страха. Тем удивительнее, что эта цыганка напугала меня до дрожи.

Может быть, дело в том, что она была одна, без подруг и детей, и ничего не просила? Или в её пристальном взгляде? Не знаю. Но мне сделалось очень страшно, несмотря на яркий солнечный день и то, что я была в саду не одна – пожилой садовник как раз подстригал изгородь неподалеку и обернулся к нам, заинтересованный.

Пытаясь справиться с собой, я кликнула кухонного мальчишку и велела принести молока и хлеба, а также пирог, оставшийся от завтрака. Цыганка же подошла вплотную к разделяющим нас кустам и, посмотрев в небо над моей головой, заулыбалась и сказала, что даже гадать мне не станет – она и так видит мою судьбу.

Она действительно многое обо мне знала. В том числе и про трагическую гибель Джона и мою учёбу в Лондоне...

Не считайте меня дурочкой, мистер Холмс, я ни на секунду не поверила, что всё это она вычитала в облаках над моей головой – полагаю, по деревне ходило немало сплетен о нашем семействе, а цыгане умеют не только болтать, но и слушать. Поэтому её необычное гадание не вызвало у меня никаких иных реакций, кроме веселья. Теперь, неся обычные благоглупости, она больше не казалась мне такой загадочной и пугающей, как вначале. Страх окончательно покинул меня. Обычная попрошайка, которая хочет стрясти побольше, а потому и не просит мелочи. А тут она понесла всякую чушь о том, что мне надо обязательно вернуться в Лондон, что нельзя такой девушке хоронить себя в глуши, а в большом городе меня ждёт такая же большая любовь и прекрасное будущее.

Помню, я расхохоталась ей прямо в лицо, и долго не могла остановиться. Теперь я понимаю, что это была нервная реакция на пережитое мною ранее. Но тогда мне почти сразу же сделалось неловко за подобную несдержанность. Тем более, что цыганка испуганно отшатнулась, да и старый садовник бросал в мою сторону странные взгляды. Это помогло мне взять себя в руки, справиться с неловкостью и успокоиться. Тут как раз принесли узелок с кухни, и я отвернулась, считая разговор законченным и собираясь идти в дом, поскольку день был достаточно жарким и срезанные розы нуждались в воде.

И вот тогда-то она и крикнула мне в спину, что надо мною висит проклятье.

Что-то в её голосе заставило меня обернуться и прислушаться к почти бессвязным крикам. Она была бледной и очень злой, сильно жестикулировала и на этот раз, кажется, не пыталась обмануть.

Она кричала, что я проклята, что в этом доме мне жить нельзя, что мне надо скорее бежать отсюда. А если я останусь – то умру, и умрут все, кто будет рядом со мной и все, кто мне дорог. Она кричала, что мои безвестные предки были прокляты самой землёй, и только камень города способен оградить меня от этого проклятья, да и то не до конца, потому что Джон тоже мог бы жить, если бы не встретил меня. А потом она убежала, даже не взяв узелок с едой, чем напугала меня больше, нежели всеми своими криками.

Я девушка здравомыслящая, мистер Шерлок Холмс. И потому постаралась не придавать особого значения этому происшествию, хотя оно и оставило в моей душе неприятный осадок. Особенно последние её слова... Несколько дней я даже не выходила в сад, опасаясь новой встречи, но потом окончательно убедила себя, что всё это глупости. К тому же Алисия, обнаружив моё внезапное домоводство, пыталась вызнать причины, а рассказывать ей о неприятном разговоре мне не хотелось. Тем более что её муж отличался излишним суеверием и постоянно

рассказывал за обедом про те или иные пророчества, оказавшиеся истинными, и с моей стороны было бы глупо давать дополнительную пищу для и без того надоевших мне разговоров.

Июнь и половина июля прошли спокойно, я уже почти забыла про тот скверный инцидент, но тут случилась первая неприятность – погиб мой любимый розовый куст. «Королева Виктория», знаете, такие насыщенно-алые, с тоненькой чёрной бахромкой и более светлыми прожилками. Это сейчас, в сравнении с дальнейшими событиями, я говорю «неприятность», а тогда происшедшее показалось мне страшным несчастьем. Чуть ли не большим, чем гибель моего милого Джона. Это ведь был мой любимый куст, я знала на нём каждую веточку, каждый бутончик, знала, когда который распустится, утром ещё до завтрака бежала проведать, словно старого друга...

Он сгорел за два дня, словно пожираемый изнутри невидимым пламенем, я ничего не могла поделать, и старый садовник только чесал в затылке, говоря, что никогда такого не видел. Листья скукожились и почернели, веточки покрылись белёсым налётом, похожим на воск, а вместо прекрасных цветов остался лишь пепел, источающий скверный запах. Видя такое дело, садовник предпочёл выкопать умерший куст вместе с землёй, вывезти на задний двор и там сжечь, опасаясь, что в ином случае зараза может перекинуться на остальные растения.

Я проплакала несколько дней.

Вы можете счесть меня бесчувственной, сэр, я не плакала, когда умер мой Джон, а над глупым розовым кустом рыдала, как ненормальная. Алисия пыталась меня успокоить, а Берт был мрачен и ворчал, что это только первая ласточка. Каким-то образом он узнал про слова той цыганки – наверное, рассказала бывающая в деревне кухарка, известная на всю округу сплетница. Мне были неприятны эти разговоры, тем более что их дети, раньше чуть ли не каждый день приходившие поиграть в моё крыло, теперь сторонились меня, а Памела, самая младшенькая, любительница конфет, теперь при случайных встречах раздражалась слезами и убегала.

Я снова начала большую часть времени проводить в саду, не столько работая, сколько прячась. Так прошел ещё один месяц.

А в августе заболела Мисси...

Я не сразу беспокоилась, когда она пропала – Мисси кошка вполне самостоятельная, уходила по своим надобностям, когда хотела, и могла не возвращаться, пока не нагуляется. Но обычно её отлучки длились не более одного-двух дней, а если такое и случалось, то она всегда находила время проведать если не меня, то свою любимую мисочку с молоком. А тут мисочка оставалась нетронутой уже третий день, хотя я утром и вечером наполняла её свежим молоком, и я начала волноваться.

А потом её обнаружил садовник и прибежал за мной – поскольку с Мисси было что-то не то и он побоялся к ней приближаться. Я поспешила за ним, как была, в клеёнчатом фартуке и грубых садовых перчатках – я тогда как раз пыталась придать подобающую форму разросшемуся сверх всякой меры кусту шиповника на центральной аллее.

Мисси лежала в сухой канавке и выглядела ужасно – пушистая и густая ранее шерсть слезала с неё клочьями, обнажая покрытую струпьями кожу, её трясли непрерывные судороги, из рта шла кровь. Садовник кричал, чтобы я не трогала её, поскольку это может быть заразно, но я не могла оставить бедную Мисси в таком плачевном положении. Я перенесла её в пустующий флигель, устроила поудобнее на меховой лежанке и послала мальчишку в деревню за доктором. Сама же попыталась напоить несчастную молоком, зная, что молоко помогает при многих болезнях и отравлениях. Но Мисси была настолько слаба, что не могла даже пить. Её трясло, дыхание было тяжёлым и прерывистым, иногда она начинала рычать или плакать, один раз даже попыталась меня укусить, но не смогла пробить зубами жёсткую садовую перчатку, которую я так и не успела снять.

И тут как раз пришёл доктор.

Мальчишка всё перепутал, и привёл обычного доктора, а не ветеринара. Узнав, что его вызвали к кошке, доктор пришёл в крайнее негодование, но тройная оплата визита примирила его с необычной пациенткой – я понимала, что спасти Мисси может только чудо, и ждать прибытия другого врача нельзя. Впрочем, доктор ничем не смог помочь – да и никто бы не смог, наверное. Мисси умерла у него на руках, прямо во время осмотра вдруг сильно вытянувшись и окостенев в считанные секунды. Шерсть к тому времени с неё слезла практически полностью, лысый трупик выглядел ужасно, но почему-то сильно заинтересовал нашего доктора. Он говорил, что никогда не видел столь быстрого трупного окоченения и хотел произвести вскрытие. Обещал отказаться от платы за вызов, если я позволю ему забрать труп несчастной кошки с собой. Я не могла допустить подобного издевательства над телом моей бедной подруги, доктор настаивал и даже начал сам предлагать мне деньги. Возможно, он чувствовал мою слабость – мне было плохо, хотелось поскорее остаться одной и оплакать несчастную Мисси – потому и был таким настойчивым. Не знаю, чем бы всё это кончилось, но тут во флигель заглянул Берт, и, узнав причину спора, принял мою сторону и быстро выпроводил назойливого доктора.

Я была слишком слаба и решила отложить похороны Мисси до следующего утра. Оставила её тельце там же, на меховой подстилке во флигеле. Никогда не прощу себе этой слабости, стоившей моей четвероногой подруге посмертного надругательства.

Утром, когда я заглянула во флигель, прихватив шляпную картонку, которая должна была послужить последним пристанищем бедняжке, меховая подстилка оказалась пуста. Обезжав весь сад, я обнаружила то, что осталось от Мисси на подъездной дорожке у чёрного входа – кто-то обезглавил и выпотрошил несчастную, а тело разрубил на несколько кусков, да ещё и облил керосином. Хорошо, что я ранняя пташка, наткнись на это безобразие кухарка – и разговоров хватило бы на месяц. Поэтому я поспешила собрать останки несчастной кошки в коробку из-под шляпки и похоронить под кустом сирени на клумбе перед нашим окном – я надеялась, что ей там понравится, во всяком случае, при жизни она любила греться на этой клумбе.

Домашним я ничего про это не рассказала, достаточно с них и прочих переживаний. Сама же ломала голову и никак не могла понять, кто и, главное, зачем мог совершить подобное зверство? Не хотелось бы думать, что солидный доктор мог дойти до такого безумства в своём профессиональном рвении, чтобы под покровом ночи тайком возвратиться в наш сад и совершить столь вожаденное вскрытие? Но если не доктор, то кто?

А через двенадцать дней умер садовник.

Сначала он жаловался на боли в суставах – но он и раньше на них жаловался, и мы не придавали этому особого значения, пока однажды он не упал прямо на дорожке, и не забился в конвульсиях, страшно крича. Пришлось снова посылать за доктором и звать шофера, чтобы помог отнести несчастного в дом. Это оказалось далеко не простым делом – садовника били ужасные судороги, его буквально выгибало дугой, на помощь шоферу прибежали двое дюжих кухонных работников, но и трое взрослых мужчин не могли его удержать. Боже, как он кричал! Мы уже совсем было отчаялись, но тут садовник внезапно перестал кричать и обмяк, словно из него разом выдернули все кости. Его удалось отвести в пристройку и уложить на кровать, он больше не вырывался, лишь тяжело дышал и постанывал. Но не успели мы подумать, что все самое страшное миновало, как приступ начался снова, еще ужаснее и продолжительнее. Беднягу выгибало дугой, так что он касался кровати лишь пятками и затылком. Изо рта его текла кровавая пена, и он кричал, кричал, кричал не переставая...

Доктор приехал во время третьего приступа. Заглянул больному в глаза, попытался прощупать пульс на руке, напряжённой и твёрдой, словно горячая деревяшка. Пожал плечами, сказал, что сделает всё возможное, но в результатах не уверен, и что нужно ждать окончания приступа, чтобы сделать укол кураре. Ещё он говорил о ядах – о том, что любой яд может стать

лекарством при умелом с ним обращении, и наоборот. Кажется, он хвастался, или просто был не очень уверен в собственных силах. Когда садовник обмяк и замолчал, доктор сделал ему укол и сообщил, что теперь всё в руках всевышнего. Если сильного приступа не будет хотя бы час-полтора – садовник точно выкарабкается. Если промежуток составит менее часа – вероятность счастливого исхода резко убывает. Но больше он сделать всё равно ничего не может, надо надеяться и ждать, толкуя все сомнения в пользу несчастного.

Приступ начался через девять с половиной минут. Наверное, так было даже лучше, чтобы сразу ни у кого не осталось ни малейших сомнений...

Сначала я полагала, что с садовником приключилась та же напасть, что и с Мисси, а значит, это действительно заразно, и мы все на очереди, особенно я сама. Но доктор успокоил нас, заявив, что у садовника типичный столбняк, а столбняк не заразен, и нам ничего не грозит – если, конечно, я не поцарапаю одной и той же иглой сначала руку несчастного до крови, а потом и «свой прелестный пальчик» – он так и сказал, тот доктор, а ведь рядом в страшных мучениях умирал несчастный садовник, помочь которому было уже невозможно. Доктор же всё повторял про пальчики – очевидно, считал это весёлой шуткой, и сам же смеялся... всё-таки я вынуждена признать, что он оказался не слишком деликатным человеком, этот доктор...

Садовник умер через три дня. Боже, как он страдал! Даже врагу не пожелаю подобной смерти. На второй день он уже не мог даже кричать, только хрипел. Я сидела с ним до последнего, видя в этом свой долг. Даже если не принимать во внимания проклятье, человек пострадал, пытаясь сделать лучше мой сад, и посидеть рядом – самое малое, что я могу для него сделать. Доктор заходил дважды. Делал уколы, после которых умирающий на некоторое время впадал в забытье. Предлагал мне успокоительное. Во время второго визита посоветовал позвать священника, но Берт сказал, что садовник был убеждённым атеистом. Берт поначалу старался как-то меня утешить, составлял компанию и всё пытался уговорить меня не убиваться так или хотя бы ненадолго пойти отдохнуть. Но сдался, видя мою непреклонность, и оставил одну. Бедняга, он и сам-то с трудом держался на ногах, и пахло лекарствами от него куда сильнее, чем обычно. Так что я была рада, когда он ушёл. К тому времени несчастного садовника уже окончательно парализовало, он не мог даже говорить, только смотрел на меня. И в глазах его я видела отражение собственной вины. Он не обвинял меня – я сама себя обвиняла.

Я не пошла на похороны – заснула тяжёлым сном, и меня долго не могли добудиться. Больше я не работала в саду, и вообще старалась не выходить из своей комнаты, даже к обеду. Сидела у окна целыми днями, смотрела на осенний сад и старалась ни о чём не думать. А особенно – не думать о том, остался ли бы садовник в живых, послушайся я слов той цыганки и вернись в Лондон.

Осень постепенно раскрашивала сад золотом и багрянцем, а я смотрела, как ветер играет листьями сирени под моим окном, пока однажды не обратила внимания, что с ними творится нечто странное. Это было вечером, и поначалу я не поверила своим глазам, списав все на неверную игру освещения. Вернее, нет... я поняла всё сразу, просто не хотела верить, потому и спустилась, надеясь убедиться, что вечерний свет и напряжённые нервы сыграли со мной злую шутку.

Осень бушевала в саду огненно-рыжим пожаром, но пламя, которое сжигало куст сирени под моим окном, было иного рода – то самое чёрное невидимое глазу внутреннее пламя, что уничтожило ранее мои любимые розы. Многие листья уже почернели и скрючились, а на тех, что остались, более не было иных оттенков – ни зелёного, ни жёлтого с красным. Только чёрный. И на некоторых веточках уже появился знакомый восковидный налёт белесого цвета.

Сами понимаете, мистер Холмс, выхода у меня не оставалось. Я не стала никому ничего объяснять, в ту же ночь собрала небольшой дорожный чемоданчик и покинула «Ивовую хижину» ранним утром, пока все ещё спали. Пешком добралась до станции и купила билет на первый же поезд в сторону Лондона.

Понимаете, мистер Холмс, я не могла рисковать.

Нет, вы только не подумайте, что я суеверна. Даже сейчас я не верю до конца в мистическую подоплёку происшедшего и пытаюсь по мере сил найти рациональное объяснение всем этим ужасным событиям. Но если есть хотя бы малейшая вероятность, хотя бы тень вероятности – я не вправе рисковать жизнью и здоровьем хороших людей.

Я должна точно знать, мистер Холмс, понимаете? Я ведь даже не сообщила дяде о своём приезде, поселилась в дешёвых меблированных комнатах и стараюсь не попадаться на глаза прежним друзьям, а также и не заводить новых. Я боюсь сходить с людьми – вдруг случившееся в Боскомской долине повторится и в Лондоне? Я устала бояться, но не знала, к кому мне обратиться за разъяснениями. Древние философы ничем не могли мне помочь, и я перестала посещать библиотеку, в которой первоначально надеялась найти все нужные мне ответы. Конечно, я слышала о великом сыщике Шерлоке Холмсе – а кто в Англии о нём не слышал? Но полагала, что вы давно отошли от дел или же работаете на правительство, и было бы самонадеянно с моей стороны отягощать вас подобными мелочами. Но тут на вдруг женском собрании меня познакомили с мисс Хадсон, и она была столь любезна...

– Всё это вздор, милочка! – перебила свою подругу Элеонора, и слегка наклонилась, чтобы ободряюще похлопать её по руке. После чего распрямилась и требовательно уставилась на Холмса. – Ну? Мистер Шерлок Холмс, великий детектив... Ох, извиняюсь – сэр Шерлок, конечно же! У вас найдётся свободная минуточка, чтобы помочь моей подруге?

Холмс проигнорировал как неподобающий тон подобного замечания, так и самую юную скандалистку, и обратился непосредственно к нашей гостье.

– Вы поступили правильно, обратившись ко мне, мисс. Ваше дело куда серьёзнее, чем могло показаться на первый взгляд, несколько раз вы только чудом избежали смерти. Но пока я не вижу в нём ничего сверхъестественного. Сейчас мне надобно навести кое-какие справки и проверить кое-какие догадки. Но рискну предположить, что завтра к этому времени мы уже будем знать ответы на все интересующие нас вопросы. А пока предложу вам воспользоваться нашим гостеприимством в обществе особы, более подходящей вам по полу и возрасту, чем два престарелых джентльмена.

Юные леди поняли намёк правильно и удалились из гостиной, оставив нас с Холмсом вдвоём – хотя мисс Хадсон и не отказала себе в удовольствии несколько раз негодуяще фыркнуть и поворчать что-то о мужском деспотизме. Когда шаги девушек затихли в дальнем конце коридора, я в некотором смущении обратился к своему всё ещё молчавшему другу.

– Холмс! Мне, конечно, далеко до вашей интуиции, но кое-что и я не мог не заметить. Мне кажется, я знаю, что явилось причиной смерти несчастной кошки и бедного садовника. Во время моей службы мне доводилось работать с некоторыми веществами, чьё воздействие на живые организмы производит подобный эффект... Кошка, очевидно, съела нечто, пропитанное отравой, потом, взбесившись от боли, поцарапала садовника и внесла на своих когтях в его царапины малую толику яда, оттого-то он и умер иначе и далеко не сразу. Какое-то дьявольское стечение обстоятельств, я никак не могу понять, как несчастная кошка могла добраться до подобного вещества, это ведь не мышьяк, которым травят крыс наши добрые фермеры, и не цианистый калий, который можно купить в любой аптеке...

– Вы, как всегда, упускаете самое важное, Ватсон! – откликнулся Холмс из своего кресла. – Вы забываете о том, с чего всё началось.

– Вы имеете в виду розовый куст?

– Я имею в виду цыганское проклятье.

– Помилуйте, Холмс! Никогда бы не подумал, что вы можете верить в подобную чушь!

– А кто вам сказал, что я верю? Я просто отметил, что именно с него-то всё и началось. Хотя, если быть точным, всё началось даже раньше.

Воспользовавшись отсутствием дам, Холмс достал из початой упаковки сигару, аккуратно обрезал кончик и закурил – на этот раз воспользовавшись спичками.

– Я называю такие дела «делом на пол-сигары», – пояснил он, выпуская клубы ароматного дыма. – Глупо и расточительно ради такого простого дела набивать трубку, не успеешь толком раскурить – а решение уже найдено.

– Но тогда зачем же, Холмс?! – вскричал я, до глубины души пораженный. – Зачем вы сказали бедной девочке ждать до завтра? Почему не успокоили её сразу?

– Ватсон, ну это же элементарно, неужели вам не хочется ещё хотя бы раз вкусить столь восхитительный омлет? К тому же мне действительно следует навести кое-какие справки, чтобы окончательно удостовериться в собственной правоте. – Тон моего друга был серьёзен, но глаза смеялись. – Может быть, мне удастся уговорить её приготовить стейк по-американски, а не ту горелую подошву, что выходит из-под очаровательных ручек нашей милой мисс Хадсон. Или даже татарский бифштекс без этого ужасного чесночного соуса, который постоянно к нему присылают, несмотря на все мои просьбы. Никогда не ешьте чесночный соус, Ватсон! Мало того, что он сам по себе ужасно гадок на вкус, так ещё и легко маскирует привкус мышьяка.

И я, поразмыслив, пришёл к выводу, что Холмс абсолютно прав. Если не по поводу чесночного соуса – то хотя бы по поводу омлета.

– Дело нашей прелестной садовницы простое, но от того ничуть не менее страшное и подлое, – повторил Холмс, когда с сигарой было покончено, сделаны необходимые звонки и получены ответы на телетайпограмму. – Вы, конечно же, обратили внимание на внешний вид мистера Берта? «Ранение, полученное при службе в особых войсках» – так это теперь дипломатично принято называть, но мы-то с вами знаем, что это значит на самом деле. К тому же бальзамические жидкости и странно пахнущие микстуры... Нет, с этим Бертом дело совершенно ясное! Понятно, где он служил, и что там с ним сотворили. Нетрудно найти отраву, если пользуешься ею каждый день.

– Холмс! – вскричал я, шокированный. – Неужели вы действительно полагаете, что за всеми этими ужасными преступлениями может стоять этот несчастный калека?! Мисс Джейн утверждает, что он хороший человек, а ей не откажешь в проницательности! Да и зачем ему могло понадобиться убивать садовника и уж тем более – бедную кошку?

– Характеристики, данные мисс Джейн своим новоявленным родственникам, говорят нам, скорее, о душевных качествах самой мисс Джейн, нежели о тех, кого она описывала. Хорошему человеку бывает трудно поверить в существование мерзавцев, даже имея к тому явные доказательства. Кошку он убил вполне сознательно, но вовсе не кошка должна была стать настоящей жертвой.

– Убивать садовника? Холмс, это выглядит странно. В наше время и без того трудно с прислугой!

– Садовник умер случайно – или же был наказан провидением, если вам так больше нравится. Поскольку он наверняка был замешан в этом деле – помните, Берт не хотел оставлять его наедине с нашей гостьей? Опасался, что перед смертью тот наговорит лишнего. И успокоился только тогда, когда паралич полностью лишил несчастного подобной возможности. Но специально его никто не убивал – он пострадал из-за случайной ранки, в которую попал яд. Нет, настоящей жертвой должна была стать именно мисс Джейн – ведь это её кошка, и именно ей бы достались те смертоносные царапины, если бы не жесткие садовые рукавицы.

Не в силах более сдерживаться, я вскочил и заходил по комнате. Даже мысль о том, что кто-то мог желать зла подобной девушке, казалась мне кощунственной, но не верить своему другу я тоже не мог.

– Но почему, Холмс? Почему?

– Всё очень просто, Ватсон – дом. Дом, который Берт с семейством уже привыкли считать своим полностью – настолько, что даже начали потихоньку разрушать возведенные дедом пере-

городки. Я догадался обо всём сразу, как только мисс Джейн упомянула об этом обстоятельстве, а остальное было лишь недостающими фрагментами уже сложившейся мозаики. Берта можно понять – у Джона не было семьи, да и сам он не жил в поместье уже довольно давно. К тому же он наверняка считал подобное распределение несправедливым – ведь если бы после окончания Мировой в Британии не упразднили майорат – весь дом и так бы достался целиком старшему брату, как истари повелось. А тут из-за непонятого юридического крюкотворства большое семейство вынужденно ютиться на своей половине – и видеть, как постепенно приходит в полное запустение и ветшает без должного присмотра второе крыло семейного дома. Алиенский мятеж и гибель младшего брата пришлось очень кстати. Берт с семейством посчитали себя единственными и полноправными хозяевами и успели привыкнуть к этой приятной мысли, когда им на голову свалилась невеста погибшего – и настоящая хозяйка половины того, что они уже считали своим.

Они не были злодеями, Ватсон – помните, мисс Джейн говорила, что поначалу они уговаривали её продолжить учёбу и даже предлагали денег? Они были готовы ей заплатить – лишь бы оставить за собой весь дом целиком. Но наша упрямая гостья не захотела уезжать. И тогда её родичи наняли цыганку.

Достижения науки – великое дело, Ватсон! В прежние времена нам бы пришлось трястись в кэбе до железнодорожного вокзала, потом ехать до нужной станции, а там ещё и добираться по плохим дорогам до той деревни, рядом с которой два месяца назад располагался табор. Мы бы потратили несколько дней – и в результате убедились бы, что табор давно переехал, а куда – неизвестно! Сейчас же я отбил всего лишь три сообщения, нашему другу Лестрейду в Скотланд-Ярде, коронеру Боскомской долины и ещё одно, по указанному им номеру – и дело сделано! Табор обнаружен, цыганка допрошена и созналась, что её действительно наняли господина из «Ивовой хижины». Дали соверен и обещали в десять раз больше, если ей удастся прельстить молодую госпожу гаданием и заставить её уехать в Лондон. Или напугать – с тем же результатом. Так что цыганка действительно была совершенно искренна в своём стремлении заполучить вожделенное золото, но не преуспела. И тогда Берту пришлось действовать самому – уже вместе с садовником. Полагаю, вряд ли он бы смог отравить розы в одиночку так, чтобы давно работающий в доме слуга ничего не заподозрил. Они знали, что это любимые цветы мисс Джейн, и полагали, что такого потрясения ей будет достаточно.

– Какое неслыханное коварство! – пробормотал я, без сил опускаясь на диванчик.

– Но Берт и его помощники снова ошиблись. Гибель любимых цветов хоть и расстроила девушку, но не заставила её покинуть «Ивовую хижину». И тогда преступники нанесли новый удар, жертвой которого стала несчастная Мисси.

Расчёт был прост: если отравленная кошка поцарапает мисс Джейн и девушка умрёт – ни у кого не возникнет ни малейших подозрений. Все знали, что она любит работать в саду, где так легко поцарапаться и занести в ранку смертельную инфекцию. Симптомы отравления малой дозой этой гадости похожи на столбняк, это вы правильно заметили, и у сельского врача не возникло бы никаких сомнений при установлении диагноза. Как позже и случилось с садовником – кошка могла поцарапать его, когда ей делали смертельную инъекцию, или отравы попала в его организм через поры кожи. Как бы то ни было, один из убийц сам пал жертвой своего преступления.

То, что случилось с кошкой после смерти, только подтвердило мои подозрения, превратив их в уверенность. Конечно же, Берт знал, что именно должно было произойти с несчастной Мисси – и, разумеется, всеми силами стремился этому воспротивиться. Он не мог допустить её вскрытия – даже деревенскому врачу при подобном исследовании всё сделалось бы яснее ясного! Не мог он и оставить тело кошки в целостности, допустить её погребение вовсе не значило поставить точку в этой истории, вы и сами это прекрасно понимаете, хотя до сих пор так и не признались, в каких именно войсках изволили служить... но вернёмся к нашей кошке.

Её необходимо было сжечь. Ну или на крайний случай хотя бы обезглавить, выпотрошить и расчленить на как можно большее количество кусков. Что он и постарался сделать той ночью, пока домашние спали. Обезглавил, расчленил и выпотрошил. И даже облил керосином. Вот только почему-то не сжёг. Это ставит меня в тупик. Вам ничего не приходит в голову, Ватсон?

Последние минуты я, чтобы скрыть волнение, развлекался тем, что выпускал крохотный язычок пламени из указательного пальца своей механистической руки – и тут же гасил его. Обращение Холмса оказалось для меня полной неожиданностью – я вздрогнул, и пламя выстрелило из пальца длинной струёй наподобие миниатюрного огнемёта. Я поспешил загасить его и ответил, стараясь, чтобы голос звучал непринуждённо:

– Полагаю, Холмс, что такие, как этот Берт... калеки... боятся огня. Мне приходилось работать с ними, и я часто наблюдал подобную реакцию, доходящую иногда до настоящей фобии. Тут всё дело в том, что на начальном этапе обработки их тела легко воспламеняются, и это накладывает отпечаток. Потом-то, конечно, подобный недостаток устраняют, но память остаётся. И только редкие натуры обладают достаточной внутренней силой, чтобы с ней справиться.

– Вот как? Буду знать, – ответил мой друг, посмотрев на меня при этом как-то странно. – Тогда всё становится на свои места... Утром мисс Джейн обнаружила останки растерзанной кошки и похоронила их под сиренью, тем самым отравив ещё и это ни в чём не повинное растение. После чего уехала в Лондон, где, на счастье, судьба свела её с нашей очаровательной мисс Хадсон...

– Мистер Холмс! Вы потрясающий человек!

Вздрогнув, я обернулся.

Наша юная гостья стояла в дверях, прижав стиснутые кулачки к груди, и смотрела на Холмса с восторгом и обожанием. Личико её покраснелось, глаза горели ярче обычного.

– Спасибо вам, мистер Холмс! Спасибо за всё! Элеонора была совершенно права, убедив меня прокрасться обратно и подслушать... Благодаря ей я теперь всё-всё знаю! Вы великий человек, мистер Холмс. Вы сняли с моей души огромную тяжесть. И я теперь знаю, что мне делать.

– Если подадите на вашего деверя в суд за попытку убийства – можете смело ссылаться на меня, как на доверенного эксперта. – Мой друг, казалось, был совершенно не удивлён столь дерзким вторжением и смотрел на нашу гостью вполне благосклонно.

Мисс Джейн отмахнулась.

– Да бог с ним, с Бертом! Я не об этом, уверена, его накажет судьба... Но благодаря вам, мистер Холмс, я теперь знаю, кем хочу стать!

И, не успели мы опомниться, как она подбежала и порывисто расцеловала опешившего Холмса в обе щеки. Рассмеялась, видя нашу оторопь, и снова упорхнула к дверям.

– Я хочу быть детективом, мистер Холмс! Нет, я неправильно говорю – я *стану* детективом! Обязательно стану! Мисс Джейн Марпл, сыщик на службе Короны! Вы не представляете, мистер Холмс, какая это лёгкость, какое счастье – знать, что ты ни в чём не виновата! Вы удивительный человек. И я хочу быть такой же, как вы, – помогать простым людям, дарить им такую же лёгкость, какую вы подарили мне. Спасибо вам, мистер Шерлок Холмс, сэр! Спасибо вам!

И она убежала, не попрощавшись. Истинная англичанка, что ни говори!

– Ну вот и остались мы с вами, Ватсон, совершенно одни, – заметил Холмс, с некоторой грустью глядя вслед юной особе. – Без столь вожаемого вами омета и не менее милого моему сердцу стейка по-чикагски...

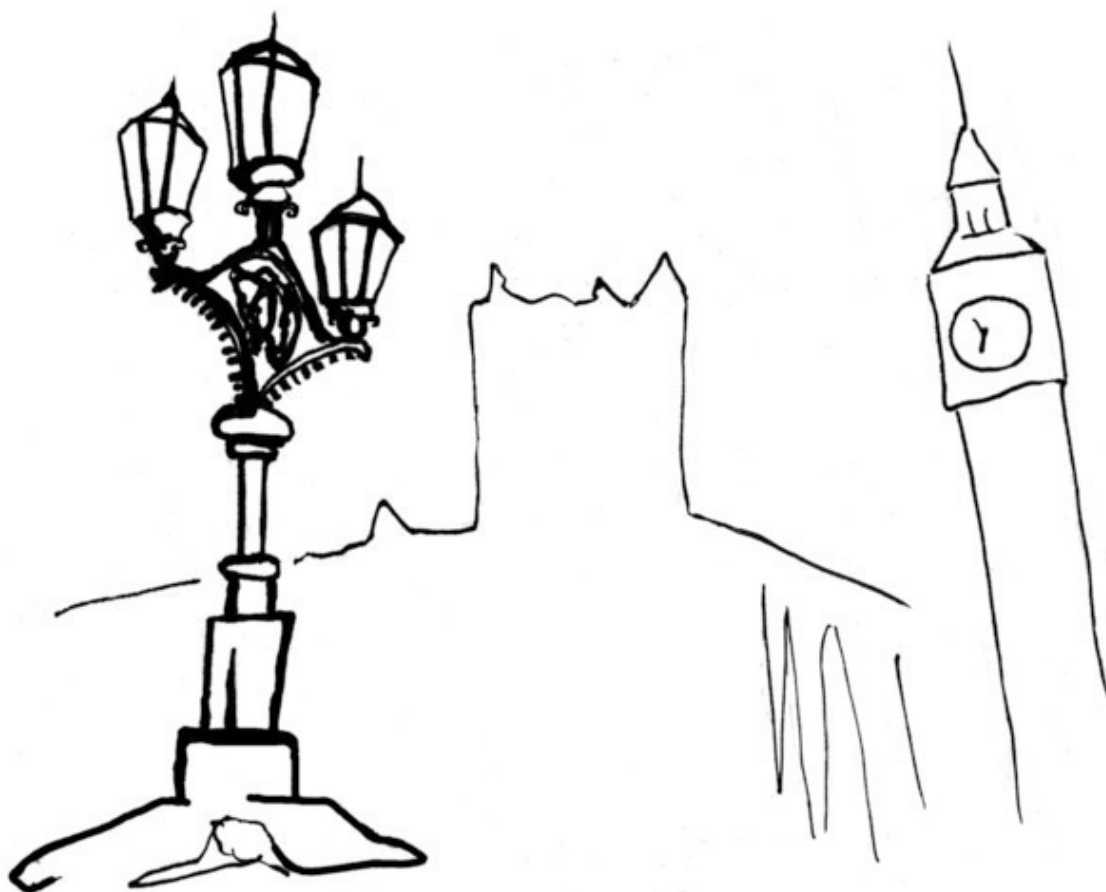
И с этими словами он удалился в спальню – последнее время он предпочитал отсыпаться днём и работать ночами, утверждая, что ночью никто не мешает ему думать.

Скорее всего, это правда.

Но – опять же, скорее всего – далеко не вся правда.

Эра Мориарти сильно изменила нас всех. Но я никогда не спрошу его, почему он больше не носит серебряных запонок и не любит чесночный соус. Точно так же, как и он никогда не спросит меня о том, с чего бы это вдруг я так полюбил резкие ароматы восточных благовоний, и почему из моей каюты так часто несёт бальзамической алхимией, с которой даже они не справляются. Разве что в шутку – да и то лишь наедине.

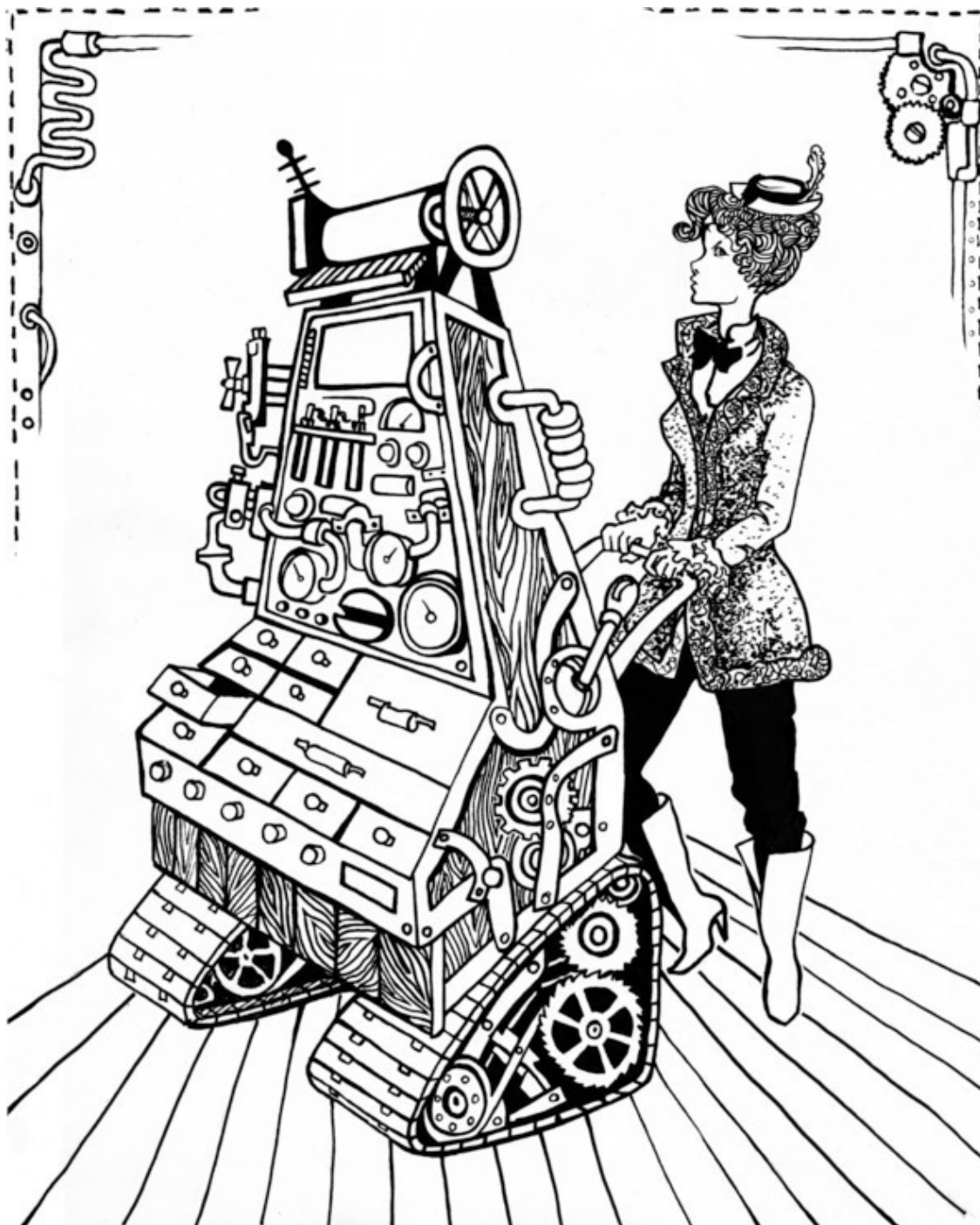
Мы оба слишком дорожим нашей дружбой – и не хотим знать лишнего...

Недавно мой редактор при личной встрече в клубе за стаканчиком хереса мягко пожурил меня за то, что я так и не довёл до сведения широкой публики обстоятельства, вследствие которых мы с моим знаменитым другом переселились со столь уютного и всем нашим почитателям хорошо известного дома на Бейкер-стрит, 221-б на борт «Королевы Марии», дирижабля новейшей конструкции. Также напомнил он мне и о том, что я до сих пор не описал в своих биографических заметках дело, за раскрытие которого сэр Шерлок получил свой титул. А читатели буквально завалили редакцию письмами с вопросами – и что же, скажите, делать несчастному редактору?

В итоге я вынужден был пообещать, что незамедлительно устраню это досадное недоразумение и удовлетворю любопытство почтенных сограждан. Тем более что сейчас политическая обстановка такова, что раскрытие некоторых пикантных подробностей уже не может причинить вреда тем высокопоставленным особам, которые были волей случая вовлечены в

Дело с марсианскими треножниками повесть Максима Тихомирова

– Как по-вашему, что самое странное во всей этой истории, Ватсон?

Хрипловатый голос великого сыщика вывел меня из состояния созерцательной задумчивости, в которую я был погружен видом, открывавшимся из окна салона первого класса пассажирской гондолы «Графа Цепелина».

Я пожал плечами: творящиеся вокруг странности перестали меня удивлять задолго до Нашествия и Великой Мировой. Одной меньше, одной больше – не всё ли равно? Но всё же

определённая доля любопытства – какую именно странность аналитический разум знаменитого детектива посчитал наиболее интересной? – заставила меня отвернуться от панорамного окна.

– Просветите меня, друг мой, – отозвался я, наливая шерри в хрустальные бокалы.

– Самое странное то, что мои услуги понадобились короне именно тогда, когда мы с вами неожиданно-негаданно решили вдруг вернуться на берега Туманного Альбиона после стольких лет отсутствия, – сказал Шерлок Холмс, принимая свой бокал. – Я вижу в этом нечто большее, чем просто совпадение. Вы так не считаете, Ватсон?

– Вы по-прежнему верите в теорию всемирного заговора, Холмс? – я не сдержал улыбки. – Во все эти многоходовые комбинации с участием тысяч разновеликих фигур по всему свету, в интриги, затеянные ещё в прошлом веке и растянувшиеся до наших дней? Полноте, Холмс! Люди, положившие им начало, давно уже мертвы, и некому пожинать плоды семян зла, рассеянных по всему миру на стыке столетий.

Холмс едва притронулся к вину. С той минуты, когда наше судно вошло в воздушное пространство Британии и посыльный вручил знаменитому сыщику таинственную телеграмму, тот погрузился в состояние сосредоточенной рассеянности, свойственное всем неординарным натурам при полной их увлечённости какой-либо сложной проблемой.

– У сеятелей всегда найдутся благодарные последователи, которые с готовностью воспользуются результатами их трудов, – ответил он. – Помните, Ватсон: ничто на этом свете не возникает из ничего и не пропадает бесследно, и каждое, абсолютно каждое действие имеет своё последствие, пусть даже и удалённое во времени. И если оглянуться на события прошлого, приглядеться попристальнее к тому, что происходит в мире сейчас, наложить одно на другое и экстраполировать обнаруженные тенденции в будущее, мы увидим довольно зловещую систему. Любой здравомыслящий человек с острым умом, мало-мальски умеющий им пользоваться, вооружившись машиной Бэббиджа и проведя необходимые подсчёты, с лёгкостью убедится в существовании некоего генерального плана, которому подчинено развитие цивилизации в последние десятилетия.

– Вообще-то это называется паранойей, друг мой, – улыбнулся я. – И поиски доказательств существования вселенского заговора обычно приводят большинство ищущих в стены Бедлама.

– Я вовсе не большинство, Ватсон, и вам это прекрасно известно, – возразил Холмс тоном удовлетворённой гордости, которую малознакомые с ним собеседники зачастую считали высокомерием. – В ближайшие часы я сумею доказать вашу неправоту, и для этого мне не понадобятся интеллектуальные костыли в виде счётной машины. В прошлом мы с вами не раз сталкивались с тем, что преступления, ничем не связанные между собой на первый взгляд, при рассмотрении их под нужным углом становились вдруг частью единой мозаики, а грозные преступники оказывались лишь марионетками в руках умело прячущегося за ширмой кукловода.

– Единственный известный мне кукловод, обладавший таланом подобного рода и силы, мёртв уже четверть века, друг мой, и вам это прекрасно известно, – напомнил я со всей возможной деликатностью.

Взгляд Холмса унёсся в прошлое. На некоторое время наступила тишина, нарушаемая лишь едва слышными разговорами в салоне и негромким шумом воздушных винтов, который за время полёта сделался такой же привычной и незамечаемой частью общей обстановки, как и лёгкая дрожь палубы под ногами.

– Тёла так и не нашли, – сказал он наконец. – Я склонен был подозревать мистификацию сродни своей собственной, однако все последующие годы могучий преступный ум профессора так и не дал о себе знать ни единым материальным проявлением. О том, насколько трудно держать под контролем деятельность столь совершенного прибора, как мозг, подобный

мозгу Мориарти и моему собственному, мне известно не понаслышке. Периоды бездействия, особенно бездействия вынужденного, изнуряют рассудок сильнее, чем отсутствие наркотика – душу зависимого от него бедняги. Замаскировать же деятельность столь мощного и амбициозного интеллекта практически невозможно, ибо это потребует усилий, значительно превосходящих по своей цене ценность скрываемого. Так что до недавнего времени я склонен был считать, что профессор действительно мёртв.

– До недавнего времени? – я скептически приподнял бровь.

– Это трудно объяснить тому, кто сам не замечает закономерностей и не способен сложить разрозненные мелочи в единую картину. Поэтому вам не остаётся ничего иного, как просто поверить мне на слово – в последние годы в определённых кругах появились довольно-таки подозрительные настроения... При этом представители совершенно различных сообществ и государств, разнесённых территориально и разделённых границами, проявляют поразительное единодушие, которому я не могу дать никакого иного разумного объяснения. Такое уже было на моей памяти – на рубеже столетий, и мне не надо вам напоминать, чем тогда всё закончилось. А ведь тоже начиналось с совершенно безобидных на первый взгляд событий, с лёгкой ряби, расходящейся по поверхности воды от брошенного камня. С почти незаметной вибрации нитей паутины, связывающих воедино события, явления и людей, вроде бы не имеющих между собой ничего общего. В последнее время вибрации эти становятся всё настойчивей, и у меня всё сильнее желание выяснить, кто сидит в центре раскинутой на весь мир паутины и познакомиться с ним поближе. Впрочем, возможно, что и знакомиться не придётся.

– Я не верю в существование призраков, Холмс, – ответил я. – И призраков прошлого это касается в полной мере. Думаю, попросту подросло и вошло в силу новое поколение криминальных гениев – молодых, образованных, амбициозных. И безликих в той же мере, что и профессор. В наше время им даже не обязательно становиться преступниками – достаточно занять нужное положение в обществе. Вы не обращали внимания, сколько молодых людей с профессиональными улыбками и холодными глазами появилось в последние годы на руководящих постах? Вот они, герои нового времени, – молодые хищники, карьеристы и честолюбцы, всеми силами старающиеся достичь собственного благополучия. Да, в одном вы правы, мой друг. Наступило время, которое я не побоюсь назвать Эрой Мориарти. Покойный профессор чувствовал бы себя в современном обществе как рыба в воде. Крайне опасная хищная рыба...

– Всё так, друг мой. Вы, как и всегда, умеете точно отследить очевидные тенденции и изложить их чётко и ясно. Благодаря вам я всегда осведомлен об общественных настроениях. Вы – моя лакмусовая бумажка, Ватсон. Кстати о бумажках.

С этими словами Холмс извлёк из жилетного кармана бланк телетайпограммы и, водрузив на нос очки, в который уже раз пробежал глазами текст, после чего взгляд его сделался отрешённым и великий сыщик погрузился в глубокую задумчивость. Потягивая излишне ферментированный херес, который на «Графе Цепелине» почему-то выдавали за классическое шерри, я наблюдал за своим старым другом и компаньоном, стараясь не нарушить его сосредоточенности заданным не ко времени вопросом.

Делиться со мной содержанием депеши Холмс не торопился. Я же не настаивал. Предыдущий опыт давно позволил мне удостовериться, что в нужное время мой знаменитый друг и сам расскажет всё, что мне необходимо знать для того, чтобы быть полезным в ведении дела – а также для отражения последовательности событий в моих записках.

Не скрою, отчасти успех этих записок, на публикацию коих у меня заключены контракты с наиболее престижными издательствами Старого и Нового Света, позволил нам предпринять наше совместное кругосветное путешествие, которое как раз подходило к концу, завершаясь там же, где и началось пять лет назад.

В Лондоне.

Дом, милый дом! До чего же приятно в него вернуться!

Холмс расположился в кресле напротив. Любому другому человеку его поза показалась бы до крайности неудобной. Сыщик сидел скрючившись, словно рак-отшельник, не желающий покидать уюта гостеприимной раковины. Квадратный подбородок касался груди, голова была втянута в плечи, локти упирались в подлокотники. Длинные тонкие пальцы нежно оглаживали чубук трубки. В движениях не проскальзывало ни грана нервозности, хотя Холмс с самого утра не был в курительной комнате – единственном месте на борту «Цеппелина», где только и можно предаваться сему пороку без опасности для воздушного судна и его пассажиров. Курение табака давно уже стало для сыщика скорее способом концентрации ума, нежели действительной необходимостью.

Бесцеремонно вытянув длинные ноги в проход, Холмс предоставил прогуливавшимся по салону пассажирам преодолевать это препятствие самостоятельно. Дамы в платьях с кринолинами бросали на него неодобрительные взгляды, когда им приходилось приподнимать юбки до щиколоток и тянуть вверх колени. Впрочем, два джентльмена, по виду типичные забияки со Стрэнда, попытавшиеся нарочно споткнуться о ноги Холмса, внезапно обнаружили, что препятствие, столь раздражавшее их утончённые натуры, в последний миг куда-то исчезло, заставив их едва не потерять равновесие. Багровея лицами и беззвучно бранясь, джентльмены, рассчитывавшие на добрую лондонскую ссору, были вынуждены продолжать бесцельное хождение по палубе.

«Граф Цеппелин» кружил над столицей Империи третий час подряд в ожидании разрешения на посадку. Все чемоданы давно были сложены, книги, взятые с собой в полёт, прочитаны, а в свете того, что азартные игры на борту дирижабля находились под строгим запретом, заняться было решительно нечем.

Полуприкрытые глаза великого сыщика скрывались за дымчатыми стёклами очков. До той минуты, когда он обратился ко мне, я был убеждён, что он пребывает в состоянии меди-

тации, – а возможно, и просто дремлет, как и принято делать в послеполуденный час джентльменам нашего возраста.

Я вновь вернулся к созерцанию бескрайнего скопления разновеликих фуллеровских куполов далеко внизу. Я любовался ими вот уже который час подряд. Зрелище поистине зачаровывало.

Сверкающую, подобно друзе горного хрусталя, неоднородность лондонской Кровли здесь и там нарушали волнующиеся на ветру кроны городских парков в осеннем убранстве, шпили соборов да извилистая тёмная полоса Темзы, перечёркнутая местами прозрачными трубами железнодорожных и автомобильных мостов. Воздушные налёты последней войны оставили уродливые следы во вспененном пространстве крыш: местами в бескрайнем сопряжении полупрозрачных пузырей зияли проломы, никто не спешил их заделывать – слишком немного времени прошло с той поры, когда смерть сыпалась с неба чёрным снегом, и слишком тяжким бременем для истерзанной войной экономики даже столь могущественного государства, как Великая Империя, было восстановление прежних блеска и великолепия.

Из обширного пролома в Кровле прямо под танцующим в турбулентных потоках «Цепелином» торчал ржавый остов небесного левиафана. На опалённой перкали хвостового оперения явственно виднелись кайзеровский орёл и чёрный паук свастики.

Следы минувшей войны обнаруживались повсюду. Обугленные стены полностью выгоревших домов таращились слепыми провалами окон на усыпанные битым кирпичом пустыри на месте кварталов лондонского Сити – там, куда пилоты германских аэропланов кидали каролиновые бомбы несколько лет назад. Кое-где сквозь бреши в Кровле в небо, и без того полное изрыгаемых вентиляционными трубами городских испарений, до сих пор поднимались столбы дыма и пара, зловеще подсвеченные снизу негасимым пламенем ядерного распада. Казалось, цепная реакция в полных огня кратерах на местах взрывов будет идти бесконечно – за прошедшие годы жар, исходящий от жерл рукотворных вулканов, не уменьшился ни на градус, и никто из уцелевших жителей этих районов не спешил возвращаться на насиженные места.

Рассветное небо над Лондоном было полно хаотического движения. Сотни летательных аппаратов двигались одновременно во всех направлениях. Бипланы лондонского аэротакси ежесекундно взлетали с рельсовых направляющих и совершали посадку на предназначенных для этого участках Кровли. Громоздкие красные даблдекеры линий регулярного сообщения развозили в противоположных направлениях рабочих дневной и ночной смены сотен фабрик столицы, и лучи поднимавшегося солнца играли алыми отсветами на крутых боках небесных великанов. Частные аэропилы кишели в воздухе, ритмично трепеща полупрозрачными крыльями. Тысячи воздушных винтов месили крыльчатками лопасти лондонский смог.

Причальные мачты лётного поля Хитроу принимали до десяти воздушных кораблей за час, но не в силах были справиться с потоком прибывающих дирижаблей. Раз в четверть часа капитан «Графа Цеппелина» обращался к пассажирам, сообщая о подвижках в небесной очереди. Сейчас «Цеппелин» был третьим в очереди на посадку и радиус описываемых им над столицей величественных кругов значительно уменьшился. Судно держалось поближе к мачтам, и публика приникла к окнам, сиюсь разглядеть внизу хоть что-нибудь, способное пролить свет на причины внезапной задержки.

Причины эти, впрочем, на мой личный взгляд были весьма просты. В настоящую минуту все причальные мачты аэропорта были заняты обманчиво тяжёлыми телами дирижаблей, выкрашенных в невзрачный серо-голубой цвет, призванный прятать воздушный корабль в небе от глаз возможного наблюдателя. Ещё с полдюжины таких кораблей барражировали в отдалении над лондонским центром, и орудийные порты их боевых галерей зияли зловещей чернотой. Вывернув шею, я смог разглядеть несколько неприметных серо-голубых силуэтов высоко над городом, выше уровня всех транспортных коридоров столичного неба.

Военные. Армия Её Величества взяла в свои руки контроль над городским небом. И, судя по тому, как бодро шла высадка солдат с причаленных транспортных, уже совсем скоро возьмёт под контроль и всё происходящее на земле.

Знать бы ещё, чем вызвано столь явственное оживление военных. Я открыл было рот, чтобы задать соответствующий вопрос своему другу, но он опередил меня.

– Взгляните вон туда, Ватсон. Да-да, на северо-восток. В направлении Паддингтона и нашего с вами дома. Там, между массивами парков, – видите?

Не очень-то надеясь на своё зрение, в последние годы не раз подводившее меня в ответственный момент, я опустил на глаза цейсовский бинокль своего походного шлема, pokrutil колёсики настройки. Сначала я не видел решительно ничего. Потом разглядел на фоне тусклого золота и багрянца крон буков и вязов некую бесформенную массу, возвышавшуюся над деревьями и домами. Полчища птиц кружили в небе над парками, и сквозь их мельтешение виднелось покачивавшееся на ветру чёрно-белое веретено полицейского аэростата, вставшего на якорь неподалёку. В сравнении с загадочным предметом, который скрывало растянутое до земли и прихваченное здесь и там верёвками огромное полотно, аэростат выглядел миниатюрным. Предмет возвышался над Кровлей и на глаз равнялся по высоте собору Святого Павла – а, возможно, и превосходил его.

– Что бы это могло быть, Холмс? – спросил я, не отрываясь от окуляров.

– Давайте-ка попросим стюарда принести утренние газеты, – услышал я в ответ. Голос сыщика был совершенно спокоен.

Несколько минут спустя мы уже шелестели ещё тёплыми листами только что отпечатанных в судовой типографии газет, которые были ночью получены из редакций по радиотелеграфу.

Передовица «Таймс» освещала успех доктора Кейвора и его команды, которые готовы были уже на следующей неделе представить вниманию всех заинтересованных лиц плод своих многолетних усилий. Под сводами Хрустального Дворца в Банхилле Кейвор собирался продемонстрировать публике детище Британского Общества Звездоплавателей – аппарат, способный пронести человека сквозь толщу земной атмосферы в безвоздушное межпланетное пространство, используя для этого принципиально иную технологию, нежели разработанные русскими учеными Циолковским, Цандером, Лосем и Туманским ракетные корабли, испытания которых сейчас также входили в финальную фазу.

На страницах «Обсервер» королева отзывалась о перспективах освоения иных миров скептически: «Зачем нам подвергать себя опасности новой войны с обитателями Марса, едва пережив прошлую войну миров?»

Самой интересной заметкой в «Дейли Телеграф» было сообщение о наблюдавшемся вчера в небе над Ла-Маншем атмосферном феномене. Пилоты звена бипланов береговой обороны стали свидетелями падения в воды пролива некоего предмета, который они в один голос называли не иначе, как «зелёной кометой». При этом, с их слов, прежде чем кануть в свинцовые волны, странное небесное тело предпринимало попытки маневрировать в атмосфере. Военные психиатры признали пилотов вменяемыми, окулист Королевского госпиталя, подтвердив полное здоровье глаз лётчиков, исключил возможность оптического обмана. Объективно настроенные скептики из правительственных кругов настаивали на версии лунного света, отражённого метеозондом и преломлённого пузырьком болотного газа. В настоящее время к месту падения неопознанного объекта направлялись две субмарины флота ЕКВ.

«Полицейская газета» бесстрастно констатировала прокатившуюся по марсианским гетто Англии и Уэльса волну беспорядков. Причина недовольства головногих осталась неясна. Особо отмечался тот факт, что полиция взяла ситуацию под контроль без использования специальных средств.

В пику основному печатному органу полицейского управления красная «Морнинг Стар» выступила с оголтелой проповедью борьбы марсиан за свои ущемлённые права и обратилась ко всей прогрессивной общественности Соединённого Королевства с призывом поддержать переселенцев с Марса, несправедливо угнетаемых земными капиталистами, в их революционном протесте.

«Файненшл Таймс» обрушивала на читателя каскад малопонятных цифр, прогнозы роста и падения индексов и котировок в связи с туманными намёками на изменение политической ситуации, интервью с влиятельными персонами мира денег, призывавших покупать и продавать акции обществ с совершенно неизвестными мне названиями. Пролистав её, я понял, что не понимаю ровным счётом ничего в современной экономике, списав это на длительность нашего с Холмсом отсутствия на родине.

«Иллюстрейтед Лондон Ньюз» в статье без иллюстрации сообщало о готовящемся открытии возведённого у Букингемского дворца колоссального памятника королеве Виктории, который являлся даром городу Лондону от королевской семьи и данью уважения великой правительнице прошлого, именем которой была названа целая эпоха в истории не только Великобритании, но и всего мира в целом.

В глубоко презираемом мною за необоснованно злую критику моих «Записок» «Лондонском книжечее», издании столь же скучном, как и те графоманские труды, которые он освещает, бросалась в глаза набранная крупным кеглем короткая заметка о том, что известный американский литератор Э.Р.Берроуз приглашает всю просвещённую публику на творческую встречу, которая состоится в книжном магазине «Симпкин и Маршал», где вниманию поклонников таланта будет представлен новый роман его столь популярного цикла о марсианских приключениях Джона Картера. Газета делилась с читателями сведениями о том, что творчеством м-ра Берроуза не на шутку увлечена сама Королева. Обсуждался вопрос, позволяют ли ей приличия посетить встречу с любимым писателем, или же он сам будет удостоен частной аудиенции во дворце.

Больше ничего интересного в свежей прессе не нашлось.

Холмс уже давно утратил интерес к чтению, небрежно свалив газеты на журнальный столик. Дождавшись, когда я переверну последнюю страницу, он нетерпеливо побарабанил пальцами по колену.

– Скука смертная, – сказал он. – Такие новости в первую очередь говорят об отсутствии новостей. Впрочем, это показатель стабильности в государстве и обществе.

Я кивнул.

– Вынужден согласиться с вами, друг мой. Меня не покидает чувство, что мы с вами никуда и не уезжали на все эти годы. Меняются названия фирм и имена политиков, но Британия по-прежнему кажется оплотом стабильности в нашем мире.

– Ага! Вот тут-то я вас и поймал, дорогой доктор! – воскликнул вдруг Холмс и расхохотался. – Вы всё тот же Ватсон, неспособность которого порой сложить два и два даёт мне некоторую надежду на то, что мой мозг по-прежнему работает чуточку лучше мозга среднего обывателя.

Я давно уже научился не обижаться на бестактные высказывания моего друга. Вот и на сей раз позволил себе лишь ироничную улыбку.

– Вы, разумеется, просветите меня о всей бездне моей ненаблюдательности, Холмс? – только и спросил я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более смиренно.

Как и все гении, великий сыщик любил лести. То, что он способен был распознать её с полуслова, ничуть не мешало ему каждый раз получать истинное удовольствие от её выслушивания.

– Вне всякого сомнения, мой милый Ватсон – ответил Холмс, явственно смягчаясь. – Вне всякого сомнения. Но не сразу и не вдруг, это было бы слишком скучно. Мне бы хотелось, чтобы вы продолжили развивать в себе способности к дедукции.

– Безусловно, я приложу к этому все усилия, как и всегда, – безропотно пожал я плечами. – Однако с годами человеческий разум лишь всё больше костенеет в собственных заблуждениях, а я не блистал способностью сопоставлять факты и будучи в расцвете сил. Смеем вам напомнить – мы с вами давно разменяли по седьмому десятку, друг мой.

– Вздор! – фыркнул Холмс. – Не пытайтесь убедить меня в том, что вы одной ногой в старческом слабоумии, Ватсон. Ни за что не поверю. А что до умения делать верные выводы из очевидных и неочевидных фактов – ваша профессия сама по себе предполагает подобный стиль мышления. Вы же врач, Ватсон, пусть уже и не практикующий! Искусство постановки правильного диагноза во многом сродни работе сыщика. И тот, и другой должны верно определить убийцу – только в вашем случае это болезнь, а в моём – человек.

– Что ж, вы, как всегда, правы, Холмс, – сказал я. – Не вижу смысла не соглашаться с очевидным. Сделаю всё, что в моих силах, чтобы не разочаровать вас. Но пока мне не известно ни одного факта. Ведь даже содержание полученной вами телеграммы вы держите от меня в секрете, а в газетах, как вы сами имели возможность убедиться, нет и намёка на преступление, которое заслуживало бы вашего внимания.

– *Нашего* внимания, Ватсон, – поправил меня Холмс, многозначительно подняв палец. – Насчёт газет вы, разумеется, заблуждаетесь. Впрочем, это простительно, ведь у вас не все карты на руках. Одну минутку.

С этими словами он бодро отстучал ключом карманного телеграфа короткое сообщение. Через несколько секунд аппарат отозвался мелодичным звоном, оповещая, что сообщение получено адресатом, а ещё через несколько секунд разразился трелью ответного послания, воспринять которое на слух я не смог. Ленту же Холмс отправил в корзину, небрежно скомкав, после чего с крайне довольным видом откинулся в кресле.

Я попытался и сам использовать дедуктивную методику, свидетелем успешного применения коей Холмсом оказывался не раз.

Адрес послания был коротким, даже на слух – куда короче положенных для связи в пределах города девяти цифр и уж тем более – двенадцатизначного междугороднего. Здесь же я чётко расслышал короткую вступительную трель из трёх, максимум – четырёх знаков. Это означает, что адресат пользуется внутренним ретранслятором «Графа Цеппелина». Что в свою очередь говорит о его нахождении на борту в качестве пассажира или члена команды. Но в силу некоторых специфических привычек мы с Холмсом мало общались с соседями и так и не завели ни с кем не то что дружеских, но даже и приятельских отношений. С представителями команды или обслуживающего персонала дело обстояло приблизительно таким же образом, если не считать капитана, за столом которого мы дважды обедали. Но обеденные разговоры вряд ли можно считать достаточным основанием для близкого знакомства.

Есть ещё, правда, наша очаровательная секретарша мисс Хадсон...

Но тут мои дедуктивные способности пробуксовывали – зачем посылать телетайпограмму особе, с которой всё равно встретишься через несколько минут за утренним чаем?..

– Чего же мы ждём? – спросил я знаменитого сыщика через минуту, запутавшись окончательно. Как и всегда, когда намечалось новое дело, я чувствовал душевный подъём и нетерпение. Ещё не зная сути предстоящего нам расследования, я испытывал сильнейшую жажду деятельности. Сила и энергия наполняли меня, заставив позабыть о гнёте лежавших на плечах лет.

– Недостающих звеньев газетной мозаики, – ответил Холмс. – Кстати, вот, кажется, и они.

Я уже и сам услышал drobный перестук каблучков по паркету палубы. Ему вторил лёгкий лязг цепной передачи и мягкие шлепки обрезиненных траков о палубный настил.

– Доброе утро, джентльмены, – произнёс у меня за спиной бархатный голосок с ноткой явного осуждения.

Холмс ответил преувеличенно учтивым кивком. В глазах его танцевали озорные искорки, а тонкие губы старательно сдерживали улыбку.

Я неловко повернулся в кресле на голос, и покалеченная спина отозвалась электрическим разрядом боли, скользнувшим вдоль позвоночника. Эхо последней войны. В такие минуты я был рад чувствовать боль. Боль – удел живых. После всех ужасов мировой бойни, после гекатомб Марны, Ипра и Вердена ощущать себя по-прежнему живым казалось странно – но до чего же замечательное это было чувство! Я сжал в кулак и снова разжал обтянутые лайковой перчаткой пальцы правой руки, механистической от плеча – протез работал безупречно.

Ни один из нас не прошёл сквозь геенну Великой войны, не изменившись. Все мы калеки, увечные кто телом, кто душой, а кто и душой и телом разом. Мой друг, которого гений его уникального таланта забрасывал в самые странные места воюющего с самим собой мира, тоже был опалён огнём охватившего планету безумия, пусть ему ни разу так и не пришлось оказаться даже вблизи передовой за все эти годы. Удел же военного врача – быть там, где кровь, боль, увечья и смерть. Подобное способно закалить самую ранимую душу, но в то же время постоянное соседство смерти, и смерти страшной, превращает в романтика самого закоренелого циника.

Циник в моей душе отпустил русскую шутку насчёт седины и беса – к счастью, не сделав её достоянием ничьих более ушей. Помимо своей абсолютной неуместности, шутка ещё и не соответствовала действительности – никакой седины у меня не было и в помине. Со времён Великой войны мой череп совершенно лишён растительности. Я не стал опускаться до ношения парика или вживления совершенно естественных бровей, хотя доктор Поррот из парижской клиники долго преследовал меня подобными предложениями. Своего отражения в зеркале я давно уже научился не пугаться, хотя и не могу сказать, что оно особо меня радует. Вот только разве что усы... Перед рыжими накладными усами от Картье я не смог устоять. Отличного качества, не нуждаются в стрижке и выглядят как натуральные! Согласитесь, ветеран без усов выглядит куда менее респектабельно, чем тот же ветеран без бровей. Брови – всё-таки далеко не главное украшение мужчины.

– Вот то, что вы просили, мистер Холмс, – продолжила между тем обладательница волшебного голоса, и осуждение зазвучало в нём яснее. – Хотя ума не приложу, зачем вам могло понадобиться именно это!

На столик между нами упала новая пачка газетных листов – поверх уже лежащих там. С первых страниц на нас вызывающе таранились обнажённые красотки с игольно-острыми сосками на впечатляющего размера грудях, застигнутые врасплох в чужих спальнях известные политики в спешке натягивали штаны, а мерзопакостного вида упыри вгрызались полуярдowymi клыками в угодливо подставленные навстречу противоестественной алчности шеи томных молодых – или же оплетали их тела похотливыми щупальцами.

В силу некоторых обстоятельств я давно разучился краснеть, но ощущать себя неуютно при щекотливых ситуациях так и не перестал.

– И впрямь, что это, Холмс?! – с негодованием спросил я. – Неужели вы полагаете соответствующим нормам приличия – заставлять юную даму смотреть на это, пусть даже и по долгу службы?

– Не думаю, что дама против, доктор, – заметил мой друг, погружаясь в лихорадочное перелистывание дешёвой желтоватой бумаги газетных страниц.

– Вы совершенно правы, мистер Холмс, – последовал ответ, интонацию которого можно было бы счесть презрительной или даже высокомерной, не будь он произнесён столь чарующим голосом.

Развернувшись наконец в своём кресле, я встретил полный негодования взгляд пары самых зелёных глаз, какие мне только приходилось видеть за мою долгую жизнь. Глаза смотрели на меня с миловидного остроносого личика, белую кожу которого усеивала россыпь очаровательных веснушек. Зелёный тренкот плотно облегал стройную фигурку, изрядно натягиваясь на пышной груди, обшлага его рукавов и ворот украшали петли, отороченные красным шнурком, огненно-рыжие локоны ниспадали на плечи из-под озорной охотничьей шляпки с пером, и – о боже, да! – она носила брюки, заправленные в голенища высоких сапог, которые в прошлом, когда лошади ещё не вымерли от Коричневой Чумы, назывались сапогами для верховой езды.

– Доброе утро, мисс Хадсон, – выдавил я, как всегда досадуя на неизменно подводивший меня в такие моменты голос. Я знал, что она находит это милым. Вот и сейчас она улыбнулась мне, и я поспешил сказать: – Вы совершенно потрясающе выглядите сегодня, сударыня. Впрочем, как и всегда.

– Вздор! – остренький носик сморщился в очаровательной гримаске недовольства. – Внешнее всё – абсолютный вздор! И зовите меня сегодня... хм... пожалуй, Анжеликой. Да! Сегодня – Анжелика. Но не старайтесь запомнить этого имени, доктор. Как и все имена, оно мимолётно и не имеет ничего общего с сутью той свободной личности, каковой я являюсь. А всё это навешивание ярлыков придумано мужчинами, сторонниками оголтелого домостроя и стремящимися поименовать и всё сущее в мире! Ха! Это всё не более чем попытка метить территорию, против которой должна уметь выступить каждая прогрессивная женщина!

Крайние, а порой и просто абсурдные проявления исключительной независимости характера юной эмансипэ не переставали озадачивать меня. Холмс же не обращал внимания на причуды нашей прекрасной секретарши, пропуская их мимо ушей с поразительным хладнокровием. Если я всё ещё старался запомнить каждое из потока ежедневно, а порой и по несколько раз на дню меняющихся имён, уважая стремление юной дамы к самовыражению, то мой друг быстро научился обходиться ни к чему не обязывающими обращениями, вроде «сударыня», «юная леди» или просто «мисс Хадсон».

Как ни странно, наша юная суфражистка прощала ему подобное поведение. Иногда, в наиболее меланхолические минуты, я начинал подозревать, что причиной тому – остатки детской влюблённости мисс Хадсон в знаменитого детектива, истории о приключениях которого она слышала от своей бабушки, той самой Миссис Хадсон, чью квартиру мы с Холмсом снимали едва ли не полвека назад, в самом начале нашего с ним сотрудничества.

Мисс Хадсон ворвалась в неторопливое течение нашей с Холмсом жизни два года назад с сокрушительностью и непреклонностью цунами. Мы с моим знаменитым другом тогда как раз путешествовали по Американским Штатам, где вели расследование крайне запутанного дела, основным фигурантом которого был некий мистик креольской крови, отзывавшийся на имя Барон Суббота. Возникнув на пороге нашего номера в отеле во Французском квартале Нью-Орлеана и потрясая рекомендательным письмом своей бабушки и свежееотпечатанным дипломом выпускницы Гарварда, новоиспечённый юрист женского пола просто-напросто припёр нас к стенке и вынудил принять себя на давно пустующее место секретаря. И следует сказать – никогда впоследствии ни я, ни мой друг не пожалели об этом скоропалительном и несколько вынужденном решении.

Одним из несомненных достоинств нашей помощницы являлось её умение управляться с Дороти – картотечным автоматом с крайне вздорным характером. Мой излишне рациональный друг, вечно стремящийся упорядочить всё и вся, обрёл квинтэссенцию вожаемой

упорядоченности в сём нелепом предмете – и тут же превратил его в объект тайной гордости и явных насмешек. Разработанный в мастерских Томаса Эдисона механизм, представлявший собой гибрид картотечного шкафа, печатной машины с пароэлектрическим приводом, сверхбыстрого бэббиджева исчислителя с алмазными подшипниками в счётных шестернях и валах, а также тележки садовника на гусеничном ходу, был презентован Холмсу американским президентом несколькими годами ранее «за исключительные заслуги перед народом Штатов Северной Америки».

Информация, которую хранил в своих тикающих недрах этот ящик на каучуковом ходу, сделала бы честь Библиотеке Конгресса – но вот воспользоваться ею, а тем более воспользоваться эффективно, оказалось практически не под силу двум таким джентльменам старой формации, как мы с моим компаньоном. Обращение с машиной, получившей имя Дороти от шутника-лаборанта, требовало адова терпения, а его-то нам с Холмсом не доставало. От неминуемой расправы чудо-машину спасло появление мисс Хадсон, с которой они вскорости образовали весьма эффективный, хотя и странный дуэт.

Сейчас Дороти замерла рядом с нашей прекрасной секретаршей, время от времени взлягивая скрытыми под корпусом красного дерева шестернями исчислителя. Надраенный до блеска атомный котёл негромко шумел, выпуская время от времени лёгкие облачка пара сквозь предохранительные клапаны. Облитые резиной гусеницы сохраняли в целости драгоценный паркет прогулочной палубы, а встроенный гироскоп позволял автомату с лёгкостью маневрировать среди разбросанных по салону столиков, не смахивая на пол посуду и не нанося непоправимых повреждений дубовым панелям переборок.

– Вы ввели в неё те исходные данные, что я просил, мисс Хадсон? – спросил Холмс, не отрываясь от бульварной газетёнки.

– Разумеется, мистер Холмс, – ответила та, не уходя от своего работодателя взглядом и упрямо вздёргивая подбородок.

– Вот оно – нынешнее поколение, Ватсон, – усмехнулся Холмс. – Умеет врать, не моргнув и глазом и даже не покраснев.

– С чего вы взяли, что мисс Хадсон... Анжелика... гм, говорит нам неправду? – Поспешил я встать на защиту профессиональных (да-да, именно профессиональных, и только!) качеств нашей очаровательной помощницы. – Вы ведь даже не взглянули на неё, а характерных для лжи модуляций в её голосе не уловил даже я. Уж поверьте мне, я знаю, о чём говорю, и пока не оглох.

– Я верю вам, мой друг. На секретной службе Её Величества вы должны были овладеть навыками распознавания лжи, – ответил Холмс, заставив меня молниеносно обвести зал пристальным взглядом в поисках гипотетической подозрительной особы, могущей с излишним вниманием прислушиваться к нашему разговору. Когда таковой не обнаружилось, я с облегчением позволил себе вздохнуть и укоризненно взглянул на Холмса. Но голос всё-таки приглушил – некоторые привычки неистребимы.

– Холмс, ведь мы же с вами, кажется, договаривались, что о некоторых вещах...

Но меня на полуслове перебила мисс Хадсон со свойственной ей бесцеремонностью:

– Вздор! Ни один из пассажиров не находился в опасной близости в тот миг, когда мистеру Холмсу приспичило открыть миру государственную тайну, – язвительно сказала она.

– Холмс! – вскричал я шёпотом, разрываясь между праведным возмущением и нежеланием привлекать к нашим персонам излишнего внимания, – Вы же обещали, что никому!!!

– Мистер Холмс здесь совершенно ни при чём, – спокойно и даже несколько снисходительно ответила за моего друга мисс Хадсон, одновременно наливая мне порцию шерри, которую я проглотил залпом, не почувствовав вкуса. – Всё дело в верном сопоставлении фактов, легко доступных любому наблюдательному человеку. Разница заключается лишь в инструмен-

тах, которые мы с мистером Холмсом используем для этого сопоставления. Ему достаточно его собственного гениального мозга, мне же приходится обращаться за помощью к Дороти, скармливая ей огромное количество отобранных данных, и если данные эти закодированы правильно – вуаля! Мой метод гораздо эффективнее и прогрессивнее и имеет всего лишь один недостаток – иногда приходится долго скучать в ожидании результата. Зато этот метод совершенно научен, абсолютно беспристрастен, не подвержен влиянию человеческой ограниченности и начисто лишён мужского шовинизма!

– И что характерно, мисс Хадсон сейчас говорит чистую правду, – донёлся голос Холмса из-за газеты, которой он, словно ширмой, отгородился от вспышки моего гнева. Опустив зашелевшие листы, он взглянул на меня с тем уже привычным сочувствием, с которым человек о двух руках и двух ногах смотрит на безногого и безрукого калеку: и жаль, и не поможешь... – Не ломайте голову, Ватсон, старина. Отражение лица мисс Хадсон...

– ...в лицевой панели Дороти, – кивнул я, и Шерлок Холмс отсалютовал мне своим бокалом.

Дороти отозвалась мелодичным звоночком. Из прорези на передней панели серпантинном поползла перфолента. Мисс Хадсон расправила её, пробежала глазами по прихотливому узору отверстий.

– Я полагаю, ответ гласит: недостаточно данных.

Голос Холмса был сух и бесцветен, чего нельзя сказать о румянце, мгновенно залившем щёки нашей секретарши и сделавшем её донельзя трогательной. Она с досадой закусил губу и, помедлив, с явной неохотой кивнула. Потом вскинула на Холмса сузившиеся глаза, полыхнув из-под светлых ресниц изумрудным огнём негодования. Она готова была признать свою вину, но несколько не раскаивалась в содеянном, что и подтвердила тут же, решительно заявив:

– Я сочла, что вводить в машину сведения личного плана об особе королевских кровей, да ещё и составляющие врачебную тайну...

– Безнравственно? – понимающе спросил Холмс, видя её невольное замешательство.

– Да! – порывисто ответила мисс Хадсон и снова метнула на моего друга негодующий взгляд. – Именно безнравственно! Думаю, доктор Ватсон поддержит меня. Тайна пациента не должна быть предметом машинных расчётов, призванных удовлетворять чьё-то праздное любопытство!

Я пожал плечами и постарался ответить со свойственной настоящему врачу осторожностью.

– Мисс Хадсон безусловно права... Однако, как мы с Холмсом не раз имели возможность убедиться на собственном опыте, далеко не всегда интересы личности и неприкосновенность её прав могут перевесить то благо, которое общество получает при их сознательном игнорировании особами, выполняющими поручение... эээ... особого свойства и при обстоятельствах, носящих... эээ... особый характер...

– Доктор! – возмущению Анжелики не было предела. Глаза её гневно сверкали, грудь вздымалась самым пикантным образом, заставив меня на время позабыть о сути нашего спора. – Не ожидала от вас...

– С годами становишься всё большим циником, – развёл я руками. Правая издавала при движениях лёгкое жужжание. – Со временем вы поймёте, надеюсь...

– Не списывайте свою аморальность на возрастную деградацию, доктор! Так можно позволить себе слишком многое, оправдывая любое сотворённое безобразие снижением самокритики в результате старческого слабоумия!

– Я попросил бы вас, милочка... – возразил я, чопорно поджимая губы напоказ и втайне наслаждаясь восхитительным зрелищем, ибо гнев делал нашу юную суфражистку поистине прекрасной, но тут Холмс язвительным хмыканьем пресёк начинающуюся перепалку.

И к счастью, ибо на самом деле мне решительно нечего было сказать. Честно говоря, я находился в совершеннейшем замешательстве. И я был даже рад, когда, приложившись как следует к бокалу хереса, поперхнулся и раскашлялся до слёз – кашлем было легче прикрыть охватившее меня смущение. Мисс Хадсон участливо похлопала меня по спине изящной ладошкой.

– Вот и я возмущена до глубины души, – доверительно шепнула она мне в самое ухо, ошибочно истолковав причину затянувшегося приступа кашля. – Мало того, что мужчины считают себя вправе измываться над женской душой и ни в грош не ставить женский разум, так они ещё и бессовестно лезут своими руками в самые интимные места женского тела, чтобы потом продать кому ни попадя открывшиеся им тайны!

Я несколько опешил от суфражистской трактовки невинной процедуры гинекологического осмотра – мероприятия, безусловно, крайне интимного и требующего совершенно особой степени деликатности от врача, занимающегося подобными манипуляциями, но абсолютно необходимого для контроля за здоровьем женщины – и совсем уже было собрался указать нашей воительнице, что она сражается с ветряными мельницами, тем более что университеты по всему миру который уже год увеличивали набор женщин на медицинские факультеты, но тут Холмс вышел из оцепенения и в зародыше задавил вновь наметившуюся ссору.

– Предлагаю пари, друзья мои! – объявил он. В его глазах появился тот лихорадочный блеск, который обычно порождали лишь морфий или предвкушение близкой разгадки дела. От пагубного пристрастия к опию и его производным Холмс решительно отошёл сразу после войны, примерно в то же время приобретя любовь к ношению гоглов с затемнёнными стёклами, регулярному посещению стоматолога, а также весьма своеобразные гастрономические предпочтения. Я уважал эти его мелкие слабости, куда менее вредные для здоровья, ибо сам к тому времени обзавёлся некоторыми секретами из разряда тех, что не обсудишь даже с лучшим другом.

– И в чём суть этого пари? – спросил я.

– Вам, Ватсон, я готов доказать, что дело уже есть, пусть даже нас с вами ещё не привлекли к его расследованию.

– Неудивительно, Холмс, – пожал я плечами в который уже раз за последние полчаса. – У вас есть телеграмма, содержание которой никому более неизвестно.

Словно козырную карту, способную переломить ход партии, Холмс бросил сложенный вчетверо бланк телетайпограммы на стол. Глаза его лучились торжеством. Мой тщеславный друг явно наслаждался происходящим.

Я потянулся было к клочку бумаги, но металлические пальцы поймали лишь пустоту с приглушённым кожей перчатки лязгом: мисс Хадсон оказалась быстрее. Развернув телеграмму, она жадно впилась взглядом в те несколько слов, что я смог разглядеть на бумаге. По лицу её пробежала тень разочарования и досады. Фыркнув, она протянула бланк мне.

Телеграмма, адресованная мистеру Шерлоку Холмсу, борт трансатлантического лайнера «Граф Цеппелин», гласила: «Мой мальчик вскл ты очень вовремя тчк ждём нетерпением тчк твой м тчк».

– И всё?! – спросил я, не веря своим глазам. – Восемь слов, одна буква и четыре знака препинания?!

– Именно! – беззаботно отозвался Холмс. – Стоимость один шиллинг два пенса, с учётом авиатарифа.

– И на основании этого вы сделали вывод о том, что нас ожидает дело государственной важности?!

– Вне всякого сомнения, друг мой. Вне всякого сомнения, – ответил Холмс.

– Потрудитесь объяснить, – потребовал я, чувствуя нарастающее раздражение – иногда мой компаньон бывает просто невыносим!

– Всеми своё время, друг мой, всеми своё время, – Холмс был совершенно невозмутим. – Пока же могу лишь сказать вам, что только один человек на свете, подписывающий свои послания литерой «М», способен называть меня «своим милым мальчиком», особенно если учитывать мой настоящий возраст.

– «М»? Неужели... – начал было я, вспомнив начало нашей сегодняшней беседы, но Холмс прервал меня с довольно обидным смехом.

– Конечно же нет, мой добрый друг, – сказал он, отсмеявшись. – Не Мориарти. Это мой брат Майкрофт. Серый кардинал Британской Империи собственной персоной.

– Майкрофт Холмс? Но почему же...

– Почему он не воспользовался официальными каналами, не обставил всё с присущей случаю помпой, хотите вы спросить? Почему нас не снял с борта «Цеппелина» гербовый аэропил? Почему почётный караул не выстроился в каре на лётном поле, а к трапу не раскатали красную ковровую дорожку? Это вы хотели бы знать, мой друг?

Я лишь слабо кивнул в ответ.

– Гроши, потраченные короной на это послание, являются частью способа поведать человеку моих умственных способностей гораздо больше, чем сказал бы мне самый исчерпывающий отчёт по делу. Учитывая то, что любая информация может быть перехвачена, похищена и расшифрована, надо обладать поистине титаническим умом, умом, схожим по своей организации с моим собственным, чтобы рассказать всё, не сказав ничего. С этой задачей мой брат справился блестяще.

– Я по-прежнему ничего не понимаю, – вынужден был признать я. Мисс Хадсон кивнула в знак согласия. Дороти промолчала.

– Отлично! – обрадовался Холмс. – Значит, для части заинтересованных лиц и для огромной массы людей незаинтересованных, но донельзя любопытных, падких на сенсации и склонных к спонтанным, по ситуации, реакциям – я имею в виду рядовых английских обывателей, Ватсон, – для всех этих людей дела, представляющего для нас глубочайший интерес, попросту не существует. Ситуация всё ещё под контролем. И уж простите меня, что для того чтобы прийти к подобным выводам, мне снова приходится ориентироваться на вас. Да, кстати, Ватсон, просмотрите-ка бегло и все эти, столь ненавистные вам, жёлтые листки.

– Но зачем? – удивился я.

– Хотите узнать правду о событиях – обращайтесь к таблоидам и жёлтой прессе, Ватсон. Отсутствие цензуры не всегда пагубно отражается на свободе слова. Среди тонн вранья на страницах бульварных газетёнок можно отыскать зерно истины. Но вряд ли вы найдёте его в причесанных статьях официальных изданий. Намёки – быть может, но не более. Чтение между строк – великое искусство, друг мой, и им я овладел в совершенстве. Теперь ваш черёд.

Я послушно погрузился в чтение, испытывая смутное – а порой и вполне отчётливое – омерзение от сопричастности к скандалам, преступлениям и человеческим порокам, которые были основной мишенью изданий «для масс». Мисс Хадсон затаив дыхание читала заметки через моё плечо. Я чувствовал лёгкий аромат зелёного чая, исходящий от её волос.

«С пылу с жару» посвятило большую статью явлению, которое горе-писатели помпезно именовали Вторым нашествием марсиан. Приводились интервью с сектантами из Церкви Исхода Человечества, которым в мескалиновых галлюцинациях во время варварских обрядов в их капищах являлись обожествляемые ими обитатели Красной Планеты, предсказывавшие скорый конец человеческой цивилизации и торжество царства головоногих. Сектанты не призывали никого покаяться во имя спасения – они лишь злорадствовали, утверждая, что не спасётся никто.

«Вестник астрологии и астрономии» напечатал крайне размытые и невнятные дагер-ротипиские изображения марсианской поверхности в районе вулкана Олимп и Цидонии, полученные учёными обсерватории в Кордильерах. Пририсованные от руки корявые стрелки указывали на зоны пыльных бурь, которые, согласно утверждениям журналистов, являлись последствием новых выстрелов сверхорудий марсианских агрессоров в сторону Земли. Смаковались ужасные подробности инопланетного вторжения четвертьвековой давности и предсказывались ещё более кошмарные перспективы для населения Земли в самом ближайшем будущем. При чтении этих восторженных заявлений по моей спине бежали мурашки.

«Криминальная Британия» поразила меня в изобилии рассыпанными по своим страницам подробностями жесточайших убийств, хитроумных ограблений, финансовых махинаций и прочих преступлений. Такой размах преступности в наше просвещённое и добропорядочное время ужаснул меня до глубины души. Усилия полиции и министерства внутренних дел по искоренению преступности на территории Соединенного Королевства откровенно высмеивались авторами статей, и я никак не мог уяснить для себя, на чьей всё-таки стороне находились люди, так обстоятельно описывавшие подробности столь безобразных происшествий. Воистину, мир уверенно вступал в эру преступников, во времена негодяев.

В Эру Мориарти.

Моё внимание привлекла украшенная аляповатыми рисунками записка о ритуальном убийстве в заброшенном особняке в Ричмонде, который пустовал вот уже больше трёх десятилетий. Рисунки изображали расчленённое человеческое тело, части которого были разложены по линиям странного, напоминающего пентакль, рисунка на полу заброшенного дома. Линии рисунка явно были нанесены кровью жертвы – цитировалось заключение коронера, согласно которому ткани тела покойного были таинственным образом иссушены до состояния мумификации. Приводились также показания почтенных членов общества, убеждённых сединой господ Филби и Бленка, которые опознали в покойном хозяина дома, своего давнего знакомого, полубезумного изобретателя, пропавшего лет тридцать назад во время одного из своих нескончаемых экспериментов по исследованию природы пространственно-временного континуума. По их словам, с момента исчезновения он практически не изменился, и коронер подтверждал, что тело принадлежит мужчине в расцвете сил, а вовсе не дряхлому старику, каким бы покойному в таком случае полагалось быть. Имя жертвы в интересах следствия не разглашалось.

Мисс Хадсон при виде рисунка испуганно вскрикнула, зажав рот ладонью, и стремглав покинула салон. Я укоризненно взглянул на Холмса. Тот лишь развёл руками.

– Я считаю, что леди не должны касаться подобных мерзостей человеческого бытия, – сказал я. – Это всё-таки слишком.

– Наша прекрасная помощница сама выбрала свою стезю борца с преступностью, – отмахнулся Холмс. – А посему следует предполагать, что на её пути будут встречаться не только изображения мест преступлений в прессе, но и сами эти места. Вы не находите, Ватсон, что для убеждённой суфражистки и эмансипэ наша юная мисс Хадсон чересчур впечатлительна?

– Смею полагать, это у неё возрастное, – сказал я в ответ. – Не впечатлительность, конечно, а склонность к новомодным течениям. Молодёжи свойственен бунтарский дух. С годами из наиболее отъявленных возмутителей спокойствия получаются самые ответственные отцы и самые заботливые матери. За годы бунта и войны лучше всего учишься ценить покой, стабильность и порядок. А потом приходит новое поколение с новыми бунтарями, и всё начинается снова. Таков великий круг жизни, Холмс.

– Да-да, мой друг, вы правы, – сыщик вновь сделался рассеянным. Он забормотал себе под нос: – Круги... витки... спирали... Да-да, всё возвращается. И все возвращаются. Вне всякого сомнения.

Голос его становился всё невнятнее и наконец затих и вовсе. Взгляд потерял осмысленность и устремился в никуда. Потом, востропавшись, он снова вернулся в реальность.

Одновременно с этим к нам присоединилась и мисс Хадсон, несколько бледная, но уже вполне успокоившаяся.

– Вы будете свидетелем, мисс Хадсон, – заявил Холмс, сверля её взглядом, отчего девушке явно было не по себе. – Совсем недавно я предложил доктору Ватсону пари, от которого он не стал отказываться с достойной джентльмена решительностью. Суть пари сводится вот к чему. Я берусь доказать, что дело, к расследованию которого мы будем в ближайшее время привлечены, в чём не может быть ни малейших сомнений, уже раскрыто мною. По сути, это и было – будет – делом на половину трубки. Кроме того, я хочу продемонстрировать превосходство аналитических способностей человеческого мозга над вычислительными способностями одной из самых совершенных машин, созданных человеком именно для того, чтобы в кратчайшие сроки сопоставлять и обрабатывать огромные объёмы информации. Я берусь объяснить вам всю последовательность размышлений, которые приведут вас и уже привели меня к успеху в расследовании – но лишь по мере того, как следствие будет выявлять всё новые и новые детали общей мозаики. Пока же я напишу на бумаге несколько слов, запечатаю их в конверты, а потом вручу их вам, Ватсон. В нужный момент мы будем вскрывать один из них и сравнивать выводы, сделанные вами в ходе расследования, с моими предварительными догадками. Попробуем объединить в грядущем расследовании дедукцию и интуицию и посмотрим, которой из них следует больше доверять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.